

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

АЛЕКСАНДР СКРЯБИН

ПОЭМА ЭКСТАЗА

Избранные стихотворения



Водолей Publishers
Москва – 2008

ББК 84Р7-5
Щ87

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
В. В. Емельянов (Россия),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
В. А. Синкевич (США),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
Л. С. Флейшман (США)

Составление, подготовка текста , статья
О. И. Федотова

ISBN 5–902312–96–5

© О. И. Федотов,
составление, статья, 2008
© Водолей Publishers, 2008

[ХОР ИЗ ПЕРВОЙ СИМФОНИИ]¹

О, дивный образ Божества,
Гармоний чистое искусство!
Тебе приносим дружно мы
Хвалу восторженного чувства.

Ты жизни светлая мечта,
Ты праздник, ты отдохновенье,
Как дар приносишь людям ты
Свои волшебные виденья.

В тот мрачный и холодный час,
Когда душа полна смятенья,
В тебе находит человек
Живую радость утешенья.

Ты силы, павшие в борьбе,
Чудесно к жизни призываешь,
В уме усталом и больном
Ты мыслей новых строй рождаешь.

Ты чувств безбрежный океан
Рождаешь в сердце восхищенном,
И лучших песней песнь поет
Твой жрец, тобою вдохновленный.

Царит всевластно на земле
Твой дух свободный и могучий,

Тобой поднятый человек
Свершает славно подвиг лучший.

Придите все народы мира,
Искусству славу воспоем!

Слава искусству,
Вовеки слава!

[ЛИБРЕТТО ДЛЯ ОПЕРЫ]²

Зажглись волшебные огни
В саду прекрасном как мечтанье
И слышно пира ликованье
В его мерцающей дали.

Там дивно всё. Цветов богатых
Там ослепительный приют,
Там хоры дружные пернатых
Хвалу Создателю поют.

Зефир дыханием ласкает
Листву стыдящихся мимоз,
А запах нежно-страстных роз
К любовной неге призывает.

В струе прохладной и живой
Роскошно бьющего фонтана
Купает луч блестящий свой
С небес смотрящая Диана.

Там звука нежная волна
С волной ласкающего света
Играет, прелести полна,
Волшебной прелести привета.

Но все богатства те лишь фон,
Рисунка дивного достойный.

Царицы юной образ стройный
Венчал собою этот сон.

Она всех смертных упование,
Она всех подданных кумир;
То в честь ее пред расставаньем
Отец дает веселый пир.

Гостей блестящая толпа
Ее ревниво окружает
И похвалы ей расточает,
Но к ним царица холодна.

Речей их льстивых яд опасный
Головки умной не кружит.
Она с улыбкою бесстрастной
Их принимает... и царит.

Один из гостей (поэт)

Пред тобою меркнут все Светила мирозданья.
На твоём челе печать небесной красоты,
И чарам пагубным подвластны все созданья.
Всем на земле, Богиня, овладела ты!
Лечу на крыльях вдохновенья
Я в мир фантазии живой
Искать волшебных песнопений,
Чтоб славить дивный образ твой.

Другой гость

Ум твой сверкающий
Всё озаряет
Светом своим,
Всех ослепляющий
Всё покоряет
Словом одним.

Третий гость

Песни упоительной
Звуки нас ласкают,
Грации пленительной
Силы побеждают,
Каждое движение
Радость нам дарит,
Дивное творение
Огненного гения
Надо всем царит!

Ей чужды шум и блеск пиров,
На них томится и скучает;
Из ненавистнейших оков
К свободе дух ее взывает.
Воспаленный ум ее
Исполнен жажды познаванья
И в лихорадочном исканьи
Проходит жизнь у нее.

И потому гостей любезных
Бессодержательная речь –
Лишь ряд попыток бесполезных
Царицу юную увлечь.
«Не тот мечтой ее³ владеет,
Кто перед ней⁴ благоговеет
И речи льстивые ведет,
Но тот кто сам ее⁵ возьмет,
Кто поразит воображенье
Волшебной прелестью творенья;
Кто очарует ум пытливый,
Кто жажду знания утолит,
Чей дух превыше всех парит –
Носитель гения счастливый!»
И вот мечтам ее в ответ
Как будто силою чудесной
Был послан юный неизвестный
Философ – музыкант⁶ – поэт.
К нему душой она стремится,
Им сердце гордое полно,
И хочет вольно насладиться
Любовью вольною оно.
Артиста дивные созданья
Она случайно обрела,
Прочла, и все свои мечтанья
Ему тотчас же отдала.
С тех пор желанья иного
Для сердца любящего нет,
Как тайно друга дорогого
Увидеть. В нем и жизнь, и свет.

Полет победный мысли смелой
Впервые стал известен ей.
Гнет давний формы устарелой
Ей сбросить хочется скорей.
Он речью мудрою, простою
Ее науке покорил.
Он любоваться научил
Величьем, блеском, красотою
В пространстве тонущих светил,
Мечтой свободной, окрыленной
Витать в эпохе отдаленной,
Пространство⁷ мыслью обнимать,
Всё видеть, знать и понимать.
Она учению его
С очарованием внимала,
И с благодарностью лобзала
Царица Бога своего.
И вот теперь среди гостей
Она беседой их томится
И в танце сладостном забыться
Напрасно хочет.

ПЕСНЬ ТАНЦА

Танец прелестный,
Дай мне забвенья,
Силой чудесной
Вырви мученья.
Жизнь – страданье,
Жизнь – сомненье,

Ты же мечтанье,
Ты – наслажденье.
Танец волшебный,
Дай утешенья,
Силой целебной
Вырви сомненья.

Грустно ей.

Знать, что за стеною сада
У моря на скале сидит
Ее кумир, ее отрада!
И может быть о ней грустит...
И вот украдкой она
Гостей веселых покидает
И тайно, радости⁸ полна,
Из сада к морю убегает.
Увидев деву, восхищенный
Поэт навстречу к ней спешит
И песни только сочиненной
Слова ей страстно говорит.

На праздник любви он ее призывает.

Богиня, приди, здесь тебя ожидают

Все радости жизни земной:

Дыхание страстное ночи пленительной,
Шепот таинственный теплой волны,
Прелесть волшебная ласки томительной,
Жгучей любви беспокойные сны.
Тебе раскрываю объятия страстные,
Шествуй ко мне, о Богиня мечты!

Тебя утомлю поцелуями властными,
Сладость блаженства изведаеть ты!

*

Мне жаль тебя, земли дитя несчастное.
Вся жизнь твоя страдание ужасное.

Как жалко всё твое существование,
В лесу глухом бесцельное скитание,
Без веры в идеал, мечты, очарования!

Как можно так жить?

Ты на земле как будто гость случайный
Всё для тебя кругом покрыто тайной.

Как цель неясна!

Как мысли несмелы!

Как бледны цветы наслаждений минутных,
Отравленных мыслью о жизни нищете
И мира загробного образах смутных,
Пугающих смертных всегда и везде.
Где доблесть? где сила мужей закаленных,
Идущих победно вперед?!

Кто знамя их держит, кто их, окрыленных,
К победному бою зовет⁹?!!

Когда же ты, царь, хоть немного познаешь
Могущество воли своей?!

Когда же ты, раб, наконец, пожелаешь
Избегнуть позорных цепей?!

Никто в этом царстве тоски и страданья
Не знает, как жизнь полна;

Что рай не одно лишь пустое мечтанье,
Что стоит иметь лишь сильнее желанье –
Тотчас набежит его счастья волна.

*

Религий ласковый обман
Меня уже не усыпляет
И разум мой не затемняет
Их нежно-блещущий туман.
Рассудок мой, всегда свободный,
Мне утверждает: ты один;
Ты раб случайности холодной,
Ты всей вселенной властелин.
Зачем вручаешь ты Богам
Свою судьбу, о жалкий смертный?
Ты можешь и ты должен сам

*

Победы славную печать
Носить на лице лучезарном.

*

Совершилось: я иду

*

Когда б одну крупицу моего блаженства
Я мог бы миру подарить

*

Я апофеоз мироздания
Я целей цель, конец концов.

Я дерзновенной мысли силой
Давно уж миром овладел

Хотел бы я в сердцах народов
Мою любовь запечатлеть

*

Возьмите всё, не требуя признанья

*

Когда звезда моя пожаром разгорится
И землю свет волшебный обоймет,
Тогда в сердцах людей огонь мой отразится
И мир свое призвание поймет.
Я силой чар гармонии небесной
Навею на людей ласкающие сны,
А силою любви безмерной и чудесной
Я сделаю их жизнь подобием весны.
Дарю им покой давно желанный
Я силой мудрости своей.
Народы, радуйтесь, от века жданный
Конец настал страданий¹⁰ и скорбей.

*

Я призываю вас на праздник светлый
Любви, труда и красоты

*

Не жизнь суровую аскета
Пришел я миру возвестить

*

Когда б я мог одним лучом
Того ласкающего света,
Который в душе моей живет,
Жизнь скорбную людей без счастья,
без просвета
На миг лишь озарить

*

Я испытал любви мятежной
Всесозидающий¹¹ обман,
Изведал чувство дружбы нежной
И увлечения туман

С высоты вершины снежной
Я спокойный, безмятежный
Бури жизни наблюдал [ждал]¹².

(Там мятежные народы
Войны меж собой ведут)
На поверхности безбрежной
Здесь и там за дымкой нежной
Маяков огонь мерцал.

*

Тебе все помыслы и чувства,
Все заповедные движения мечты

*

О, поживи лишь мной, и ты познаешь жизнь,
Как может быть прекрасно на душе.

*

Любимый и прекрасный мир!
Я отдаюсь тебе с блаженством.
Во всей душевной нагоде
Упейся мной

*

Владеет миром тот, кто силой обаянья
К себе народы привлечет,
Чьи мечтанья

Ты пленительно придешь,
Как образ истины прекрасной,
Как прелесть ласки

Поток сверкающий чудес,
На землю хлынувший с небес

Я к вам пр[ишел] и [?]
Намерен речь свою держать.
Для стада стадные законы
Должны Вы мудро¹³ создавать

И не срывать¹⁴ цветов роскошных
Любви, таланта и труда

Что в этой скромной оболочке
Угасла искра божества

Нет того духовного, которое бы не имело выражения в материальном, и нет того материального, которое не порождало бы мысль.

Всё изменяется, всё совершенствуется. Я весь желанье, *весь порыв*¹⁵, но для меня желанье не (томительно) – оно моя стихия – мое счастье, оно живет во мне вместе с полной уверенностью в успехе.

Ты стремленье к совершенству,
Ты мечта¹⁶, ты свет и радость,
Но познал лишь тот блаженство,
Кто труда изведал сладость.

Кто в пленительном исканьи
Жизнь приятно проводил,
Кто в могущественном знаньи
Утешенье находил

Любовью полною любил

Вперед стремительно и вечно.

Я так счастлив, что если бы я мог одну крупницу
моего счастья сообщить целому миру, то жизнь по-
казалась бы людям прекрасной.

[ФРАГМЕНТЫ]¹⁷

Я миг, излучающий вечность.

Я играющая свобода.

Я играющая жизнь.

Я чувств неизведанных играющий поток.

Я свобода

Я жизнь

Я мечта

Я томление

Я бесконечное жгучее желание

Я блаженство

Я безумная страсть

Я ничто, я трепет

Я игра, я свобода, я жизнь, я мечта

Я томление, я чувство

Я мир

Я безумная страсть

Я безумный полет

Я желание

Я свет

Я творческий порыв,

То нежно ласкающий,

То ослепляющий,

То сжигающий,

Убивающий

Оживляющий

Я чувств неизведанных бушующий поток
Я предел. Я вершина
Я ничто
Я чувство
Я мир, я блаженство
Я жажда блаженства
Сознание гордое
Силы божественной.
Этим сознанием
Я порождаю
Рост его в прошлом

Я ничто, я игра, я свобода, я жизнь
Я томленье, Я чувство
Я мир
Воспоминанье и мечта

Я Бог!
Я ничто, я игра, я свобода, я жизнь
Я предел, я вершина
Я Бог
Я расцвет, я блаженство
Я страсть всежигающая,
всё поглощающая
Я пожар, охвативший вселенную
и ввергший ее в бездны хаоса
(Я покой) я хаос

Я слепая игра разошедшихся сил
Я сознание уснувшее, Разум угасший

Всё вне меня
Я единообразное множество
Я утратил свободу
Утратил сознание
И только отблеск его
Живет во мне
Слепым стремлением
 От центра
 От Солнца
 От отблеска

Моей бывшей Божественности,
 Что давит меня теперь.

 К свободе
 К единству
 К сознанию
 К истине
 К Богу
 К себе
 К жизни
 О жизнь, о творческий порыв (хотенье)
 Всесоздающее стремление
 От центра, вечно от центра
 К свободе
 К сознанию

ПОЭМА ЭКСТАЗА¹⁸

Дух,
Жаждой жизни окрыленный,
Увлекается в полет
На высоты отрицанья.
Там в лучах его мечты
Возникает мир волшебный
Дивных образов и чувств.
 Дух играющий,
 Дух желающий,
Дух, мечтою всё создающий,
Отдается блаженству любви.
Средь возникнувших творений
Он томленьем пребывает,
 Высотой вдохновений
Их к расцвету призывает.
И полетом опьяненный
Он готов уж впасть в забвенье,
 Но внезапно...
Предчувствия мрачного
Ритмы тревожные
В мир очарованный
Грубо врываются,
 Но лишь на миг.
Легким усилием
Воли божественной
Он изгоняет
Призраки страшные.

И лишь достиг
Желанной победы
Он над собой,
 Дух играющий,
 Дух ласкающий,
Дух, надеждою радость зовущий,
Отдается блаженству любви.
Меж цветов своих творений
Он лобзаньем пребывает,
Целым миром возбуждений
Их к экстазу призывает.
Опьяняясь их дыханьем,
Ослепляясь красотой,
Он несется, он резвится,
Он танцует, он кружится;
Целой гаммой ощущений
Он истерзан, истомлен.
Он готов уж впасть в забвенье,

 Но снова...

Из недр таинственных
Духа смятенного
Грозной волной
Бурно вздымается
Ужасов диких
Толпа безобразная;
Всё поглотить
Она угрожает.
 Дух,
Жаждой жизни окрыленный,
Увлекается в полет

На высоты отрицанья.
Там в лучах его мечты
Возникает мир волшебный
Дивных образов и чувств.
 Дух играющий,
 Дух страдающий,
Дух, сомнением скорбь создающий,
Отдается мученью любви.
Меж цветов своих творений
Он терзаньем пребывает,
Целым миром потрясений
Он их к смерти призывает.
Страхом трепетным объятый,
Он готов уж впасть в забвенье,
 Но внезапно...

Предчувствия светлого
Ритмы веселые
В нем зарождаются.
Сладостный миг!
Лучами надежды
Вновь озаренный
К жизни стремлением
Он загорается.
Чудно постиг
Он силу божественной
 Воли своей.
В темные бездны
Взором сжигающим
Он проникает,
Исполненный гнева

И возмущенья
Дерзкий вызов он бросает, –
Загорается борьба.
Зияют разверстые
Пасти чудовищ,
Грозно сверкают
Страстные молнии
Воли божественной
 Всепобеждающей;
Отблески яркие
Светом волшебным
 Мир озаряют.
Забывая о цели любимой,
Дух отдается борьбе с опьяненьем.
Он весь упоенье,
Весь наслажденье
 Этой игрой
Свободной, божественной,
Этой любовью-борьбой.
В дивном величии
Чистой бесцельности
И в сочетании
Против устремлений,
В едином создании,
В единой любви
Дух познает
Природу божественной
Своей сущности.
Он понимает,
Что хочет борьбы.

Он захотел –
И события
В стройном порядке
 Окружили
 Этот порыв.
Играет, меняется
Чувство капризное,
И вселенная
С ним вибрирует,
Его объясняя,
Его утверждая.
Он хочет победы,
Он победил,
Он торжествует!
И может он радостный
В мир свой излюбленный
Тотчас вернуться.
Но чем омрачен
Этот радостный миг?
Именно тем,
Что он цели достиг.
Он сожалеет
О прошлой борьбе;
И на мгновение
Чувствует он
Скуку, уныние и пустоту.
Но жаждою жизни
Вновь окрыленный
Увлекается в полет
На высоты отрицанья.

Там в лучах его мечты
Возникает мир волшебный
Дивных образов и чувств.
И ничем не возмущаемый
Может вечно отдаваться
Он излюбленным мечтам.
Но о чем же, чем, о дух мятежный,
Опять нарушен твой покой?
Не ритмы тревожные
Тебя омрачают,
Не призраки страшные
Тебе угрожают,
То яд разлагающий
 Однообразия,
Червь пресыщения
Чувство съедает.
И криком больным
Огласилась вселенная:
 Иного!
 Нового!
Наслажденьем утомленный,
Наслажденьем, но не жизнью,
Дух уносится в полет
В область скорби и страдания.
И в свободном возвращении
В мир мечтаний и тревог
Он чудесно постигает
Смысл тайны бездны зла.
Снова раскрылись черные пасти,
Снова зияют, грозят поглотить,

Снова борьба и усилие воли,
Желание всё победить.
Снова победа, опять опьянение,
 И упоенье,
 И пресыщенье.
Этим ритмом учащенным
Бейся жизни пульс сильней!
О мой мир, моя жизнь,
Мой расцвет, мой экстаз!
Ваше каждое мгновенье
Создаю я отрицаюем
Раньше пережитых форм.
 Я вечное
 Отрицание.
 Еще,
 Всегда еще!
 Более сильного,
 Более нежного,
 Новых терзаний,
 Новых блаженств.
Наслаждаясь этим танцем,
Задыхаясь в этом вихре,
Забывая о целях любимых стремлений,
Дух отдается игре опьянений.
На крыльях могучих
 Новых исканий
В область Экстаза
Он быстро несется.
В этой смене непрестанной,
В этом полете бесцельном, божественном

Дух себя познает
Могуществом воли
Единой, свободной,
Всегда созидающей,
Всё излучающей,
Всё оживляющей,
Дивно играющей
Множеством форм.
Он себя познает
Трепетом жизни,
Хотеньем расцвета,
Любовью-борьбой.
Дух играющий,
Дух порхающий,
Вечным стремленьем
Экстаз создающий,

Отдается¹⁹ блаженству любви.

Меж цветов твоих творений

Он свободой пребывает.

«Я к жизни призываю вас,

Скрытые стремленья!

Вы, утонувшие

В темных глубинах

Духа творящего,

Вы боязливые

Жизни зародыши,

Вам дерзновенье

Я приношу!

Отныне свободны вы!

Разделяйтесь, расцветайте,

Восставайте друг на друга,
Возносите на высоты,
Чтобы в сладостном блаженстве
Вам познать себя единством,
Уничтожиться во мне!
Восставайте друг на друга,
Восставайте на меня,
Отрицайте и любите!
Восстаньте на меня, народы и стихии,
Поднимайтесь ужасы,
Старайтесь меня уничтожить,
Разверстые пасти драконов,
Змеи, обвейте, душите и жальте!
Когда всё поднимется

Против меня,
Тогда я начну
Свою
Игру.

О мир ожидающий,
Мир истомленный!
Ты жаждешь быть созданным,
Ты ищешь творца.
До меня долетел
Нежно сладостный стон
Призыва.
Я прихожу.
Я уже пребываю в тебе,
О мой мир!
Таинственной прелестью
Чувств неизведанных,

Сонмом мечтаний и грез,
Огнем вдохновенья,
Исканием Истины,
Желаньем запретным
Свободы божественной.
О мир мой возлюбленный,
Я прихожу.

Твоя мечта обо мне –
Это я нарождающийся.
Я уже являю себя
В присутствии тайном
Едва уловимого
Дыханья свободы.
Существо твое
Охватила уже
Легкая,
Как призрак мечты,
Волна

Моего существования.
Ты уже содрогнулся.
Я – свобода тобою любимая,
Ты мой возлюбленный мир!
Я прихожу
Тебя ослепить
Великолепием
Снов очарованных;
Я приношу тебе
Прелесть волшебную
Жгучей любви
И ласк неизведанных.

Отдавайся доверчиво мне!
Я настигну тебя океаном блаженств
Влюбленным, манящим, ласкающим,
То тяжелой волной набегающим,
То лишь в отдалении играющим,
И целующим тебя

Лишь разбрызгами.

А ты будешь безумно хотеть

Иного,

Нового!

И тогда дождем цветочным

Буду падать на тебя,

Целой гаммой ароматов

Буду нежить и томить,

Игрой благоуханий

То нежных, то острых,

Игрой прикосновений,

То легких, то бьющих.

И замирая,

Ты будешь страстно

Шептать:

Еще,

Всегда еще!

Тогда я ринусь на тебя

Голпой чудовищ страшных

С диким ужасом терзаний,

Я наползу кишачим стадом змей

И буду жалить и душить!

А ты будешь хотеть

Всё безумней, сильней.

Я тогда упаду на тебя
Дождем дивных солнц.
И зажгу вас молниями
Моей страсти,
Священные
Огни желаний
Самых сладостных,
Самых запретных,
Самых таинственных.

И ты весь – одна волна
Свободы и блаженства.
Создав тебя множество,
И подняв вас,
Легионы чувств,
О чистые стремленья,
Я создаю тебя,
Сложное единое,
Всех вас охватившее
Чувство блаженства.
Я миг, излучающий вечность,
Я утверждение.
Я Экстаз».
Пожаром всеобщим
Объята вселенная.

Дух на вершине бытия.
И чувствует он
Силы божественной,
Воли свободной
Прилив бесконечный.

Он весь дерзновение.
 Что угрожало –
 Теперь возбужденье,
 Что ужасало –
Теперь наслажденье,
И стали укусы пантер и гиен
Лишь новою лаской,
 Новым терзаньем,
 А жало змеи
Лишь лобзаньем сжигающим.
И огласилась вселенная
 Радостным криком
 Я есмь!

[ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ]²⁰

Еще раз волит в вас Предвечный
Приять любви благодать
Еще раз волит Бесконечный
Себя в конечном опознать.

Хор

В молнийном взлете, грозном взрыве,
В любовийном творческом порыве,
В его божественном дыханье
Лик сокровенный мирозданья.

Мгновенья пыл рождает вечность,
Лучит пространства глубину;
Мирами дышит бесконечность,
Объяли звоны тишину.

Великое свершается
И сладостная вновь
Рождается любовь!

Со смертью венчается
В горении сердец
Предвечный наш Отец!

ГОЛОС ЖЕНСТВЕННОГО

Тебе рассветный, ? ?²¹, тебе порывный
Мой стон ответный, ? ?, мой крик призывный

ГОЛОС МУЖЕСТВЕННОГО

Кто ты, возникшая в священной тишине,
Лучами белыми воззлавшая ко мне?

ГОЛОС ЖЕНСТВЕННОГО

Я радость светлая последнего свершенья
Я в белом пламени сгорающий алмаз
Я несказанное блаженство растворенья
Я радость смерти, я свобода, я экстаз!

Г. МУЖЕСТВ.

Ты мне поведай, как взлететь к тебе желанной
Меня безумящей лучей своих игрой
Где твой чертог, волшебным светом осиянный.
Услышь мольбу и тайну смерти мне открой.

Г. ЖЕНСТВ.

Внимай рассветный, бездны жизни между нами,
С ее обманными, томительными снами;
Нас разделили многоцветные пространства
В сияньи дивном цветно-звездного убранства.

Дабы пленить меня, ты должен их пройти
Их одолеть и изнемочь в конце пути.

Голос муж.

Но я не зрю своей стези в убранстве звездном,
Не зрю, благая, где пространства те, где бездны.

Г. Женств.

Они, как я, в твоей мечте, в твоём воленьи.
Ты озари себя, услышь свой вещий глас,
И ты познаешь, ты узришь в своём томленьи
Миры цветные, разделяющие нас.

Ты всё собою наполняешь
Не есмь я, лишь ты бываешь
Когда в лучах твоей мечты
Как образ новой красоты
Я, играя, возникаю
Тем на жизни обрекая
Рои грез, хоры снов
Сонмы блещущих миров.

Нет, нет меня, лишь ты бываешь,
Ты всё собою наполняешь!

(торжественно)

В тебе говоря, призываю тебя я
С высот лучезарных парений божественных
И к воле творящей в тебе возывая,
Я требую жертв и обетов торжественных

Чтоб мог ты в стремленьи своем бесконечном
Изведать блаженство иной вневременности
Три подвига должен свершить ты, Предвечный,
Три жертвы принести в опьяняющей сменности.

И первая жертва – мечта обо мне;
Ты должен забыть о ласкающем сне
И ринуться в бездны, что нас разделили
И тем нас на подвиг любви окрылили.

ГОЛОСА МУЖ. И ЖЕНСТВ.

О подвиг божественный, танец всезвездный,
В тебе мы одержим победу над бездной,
В тебе мы сорадно²² себя обретем,
В тебе мы блаженно друг в друга умрем

ГОЛОС ЖЕНСТВ.

Ты начал свой танец. С вершины паренья
Тебя я, Господь, уже вижу в движеньи;
Цвета различаю я сфер окружающих, –
Тканей венчальных, тебя украшающих

Уже ты живешь и, ко мне приближая
Жизни уносят тебя от меня
Пьянящими снами тебя окружая
Играя и пенясь, светя и звеня.

ГОЛОС МУЖЕСТВ.

Я в своем движеньи связанный
Тяжелотканностью одежд,
Всё ж лечу, тебе обязанный
Всей силой огненных надежд.

ГОЛОС ЖЕНСТВ.

Если б крик мой зова радостного
В твоей душе не прозвучал,
Не творил бы ты, о сладостный
Господь, начало всех начал.

Ты же весь о мне томление
А потому всё превозмочь
В этом творческом стремлении
Тебе поможет бездны ночь.

Воззри: семь ангелов в эфирных облаченьях,
Пречистых вестников твоих нетленных слав,
Возлетно-огненных столпов, лучистых глав
Твоих слепительно сверкающих держав
Грядут служить тебе в священных совлеченьях!

То небожители
Огне-носители
Судеб вершители
Мира строители
Граней хранители
С Богом воители
Стен разрушители.

Они твои, тебя терзающие дети
Тобой рожденные в взволнованной груди
Твой путь ко мне в их отрицающем расцвете
Ты в их обличии на подвиг свой гряди!

Они строители сверкающего храма,
Где миротворчества должна свершиться драма,
Где в танце сладостном, в венчании со мной
Ты обрешь тобой желанный мир иной.

Я воля Твоя, я орудие грозное
Великих Твоих достижений
Ты силой моей опьянения грезные
Низводишь в кристаллы творений

А я мечта твоя о будущей вселенной
Одно из звеньев двуединого бытья
Тебя пленила я, но вскоре буду пленной
В твоем венце звездой дивной буду я.

Молнии воли, мы жаждем свершений
Мы воплотимся в ударах решений

В грохоте взрывов и в громах крушений
В снах дерзновением будем мы жить,
Равно и темным и светлым служить.

Мы чада светлые божественной мечты,
Мы в душах чистых воплотимся созерцаемым
Через нас пленишь ты духов тьмы и отрицанья
И сны раздробленные снова свяжешь ты.

Мы сонм лучистый мыслей-пламеней
И светов чистых, светов-знаменей
Тебе – о мире снов тоскующих
Земле – о пире звезд ликующих.

Мы рождены твоим хотением различий,
Нас будят отблески небесного огня
Мы волны чувства, мир обманов и обличий,
Мы всех пленяем, лучеструнами звеня.

Мы волны жизни

Волны
Первые
Волны
Робкие
Первые
Рокоты
Робкие
Шепоты

Первые
Трепеты
Робкие
Лепеты

Волны
Нежные
Волны
Взбежные
Нежные
Сменности
Взбежные
Вспенности
Нежные
Вскрыльности
Взбежные
Вспыльности.

Все мы – единый
Ток, устремленный
К мигу от вечности
В путь к человечности
Вниз от прозрачности
К каменной мрачности
Чтобы на каменном
В творчестве пламенном
Лик твой Божественный запечатлеть.

Волны,
Волны,
Первые
Волны.
Волны
Волнами
Волны
Волнующие
Волны
Волнами
Волны
Целующие

Что же за нега
В волнах взыграла
Вспыхами снега
Вспенного вала?

Что же за тайна
Манит нас к долу
С выси бескрайной
К жизни расколу?

ПРОБУЖДАЮЩИЕСЯ ЧУВСТВА

Нежная радость
Первых касаний
Тайная сладость
Влажных лобзаний.

Нежные стоны
Первых томлений,
Тайные звоны –
Зовы влечений.

Нежные ласки
Первых отсветов, –
Тайные сказки
Любящих светов.

Волны

Ливами мленья
Отяжелившиеся
Жизни теченьем
Мы увлеклися

В доли томленья
Волны излившиеся,
В тучи хотенья
Мы облеклися

В облаках-пленах
К тленному ближе
Лейтесь вспенные
Ниже и ниже

Сладостно тленное
Ибо на тленном

Запечатленным
Можешь ты быть

Сладостно тленное
Ибо лишь в тленном
В мире явленном
Можешь ты жить.

Всё облечённой
Волны ? пенящиеся
Всё явленной
Нежные плены

Всё любовней, всё усладней,
Всё истомней, всё отрадней,
Всё мучительней, прелестней,
Ощутительней, телесней;

О наш плен
Сладкий плен

Нам повсюдный,
Неизбежный,
Нас со всех сторон объявший,
Нам одеждой телом ставший

Волна

Ты блеснул, и сладость мления
В теле влажном разлилась
И к тебе полна томления
Я мечтами вознеслась.

Рождена стихией темною,
Слита с волнами волна,
Ныне грезой я истомною
От сестер отлучена.

И в твоём волнении сладостном
Я из волн окрыльней всех
В смелом взлете я твой радостный
Твой божественный воссмех.

Я любовь, в тебе разыгравшая,
Ты во мне разыгравший свет
Я волна, себя познавшая,
Как игре твоей ответ.

В духа области надмирные,
Где возникла жизни нить,
Где дворцы твои эфирные
Я лечу тебя молить:

Пробудись во мне сознанием,
Пробудись, о луч златой!

Будь послушен заклинаниям
И смесись со мной – волной!

Слушай шепот нежный вспенности
Об одной для нас судьбе
И о нашей неизменности
В устремлении к тебе.

Ты давно во мне отсветами
Луч бессмертный возыграл,
И меня своими светами
Ты манил и призывал.

Я осталась бы безличною
И волной не стала б я
Если б блески необычные
Мне не дали бытия

О, пади, развейся ласками,
Благодать свою излей,
Ты себя познаешь сказками
Расколовшихся лучей!

Луч

Лишь в обличии торжественном
Тучи грозной, роковой
Я, покинув сонм божественный,
Мог бы встретиться с тобой!

Волна

В наши грезы, что дурманами
В высь несутся, облекись
Их окутанный туманами
К долу ближе ты спустись.

Хор

Весь овейанный дыханием
Грезы томной о волне
И ее благоуханием
Упоенный, в сладком сне

Исходя любовью жгучею,
Взятый мыслию одной,
Луч поник молнийной тучею
Над влюбленную волной.

Волна

Я лечу к тебе, отважная,
Миг еще – я вознеслась
И в пониклость томно-влажную
Нежной вспенностью впилаь.

О, священный миг творения
Миг блаженный, огневой
Ты явил мне отражение
Смерти белой, роковой.

Разбудил во мне сознание
Двуединого бытия
Я отныне сочетание
«Я» и чуждого «не я».

Оживают ткани нежные
Ткани чувств – моих одежд
И несутся в даль, мятежные,
От вздымающихся вежд.

Тают, тонут, раздвигаются
Стены дымные темниц
И в глубины устремляются
Сонмы жизней-колесниц.

Стала я четою царственной
В мире жертвенной любви.
Исхожу я силой дарственной,
Я познала ярь крови.

О желание всевластное
Ты живешь, – и ты – не я
Живы ласки наши страстные
В многоцвете бытия.

Ты и я и наше мление
Мир раскрывшихся чудес
Опьянение сновидением
Жизнью дремлющих небес.

Сбылось чудо сочетания,
Круг замкнулся, и возник
Плод волны с лучом венчания
Мирозданья звездный лик.

Заглись от молнии священного мгновенья
И пламенеют сны творенья, а волна,
Сознанья чарами пленяя вдохновенья,
Вся созерцанию различий отдана.

Сияет солнцем Бог властительного света
И блещет звездами в бездонности ночной.
Она в пространстве реет царственной планетой
Овитой облачно-жемчужной пеленой.

А луче-ласки ? четы первоизбранной
Очнувшись маревом слепительных чудес,
Опознаются в многоцветном, многогранном
Четы украсами, парчой ее завес.

(Горы)

Любовных гневов мы застывшие порывы
Мы бурных ласк окаменевшие валы
Охлады чарами застигнутые взрывы
Вершины снежные, долины и скалы.

(Поля)

Уст некоснувшихся мы – теплое дыханье
В себе таящее все прелести отрав
Сюда проснулись мы цветов благоуханьем
Восшелестилися мы шелестами трав.

(Лес)

Мы в храме сумраков возлетные столпы
Мы пышно шумами зелеными одеты
Существ загадочных скрываем мы толпы
К нам льются томные, таинственные светы.

(Пустыня)

Себя пустыней я в пространстве опознавший
Луча с землей сухой и знойный поцелуй
Лесную жизнь из областей своих изгнавший
И ненавидящий живые песни струй.

Я ласка вскрыльная, я птицей вострепенулась,
А я, терзающая, зверем ожила.
Извивно-ползная, змеєю я проснулась
Стихии влажной я, истомная, мила.²³

Горит он, царственный, сияющим законом
Сей храм – как светлый гимн, сей мир –
как звездный храм

Эфир наполнен золотым зазывным звоном,
Что души емлет к недоступным небесам.

Волны-Героя завершилось восхождение
Небесным светом вся она озарена
И вечно-женственного в болях наслажденья
Теперь впервые ей открылась глубина

И с бездны прошлого завесы чудно спали
И в озареньи том открылись ей миры
И перед взорами пытливыми предстали
Народов избранных священные пиры,

Святых обрядов благолепное свершенье
И жертв великих хоровое приношенье
И лика белого прекрасные черты
Себя явившего в обличье красоты.

На нем блаженный взгляд волна остановила.
Она в молитвенном восторге возгласила
В ней воссиявшему любвию отцу:
Какую жертву принести могу Творцу?

Ты обрати
Свой светлый лик
К своей стихии истомленной
Свои пути
Поймешь ты вмиг
И низойдешь к неуголенной

Твой подвиг наш!
Ты наших сил
Само живое воплощенье
Ты жизнь нам дашь!
Ты, что явил
Лик смерти, даруй нам крещенье!

Ты как волна
Взлетев, должна
Себя вернуть стихии темной
Ты как волна
Прозрев, должна
Нам подарить твой свет заемный!

И огненосная, их зову уступая,
К родной стихии благосклонно низошла
Любови жертвенной тем волны поучая.
Она слова святой молитвы им дала.

Вестник тайны сокровенной
Светоч мысли дерзновенной
 Отзовись!
Огнествимый, лучественный
В нас молитвой вдохновенной
 Пробудись!
Наши бездны темностные
 Освети!
Нас в темнице в дни злостные
 Посети

Нас в темнице в дни злостные
Посети

Светлый ангел, пробудись
Пробуждением сладостным
На призыв наш отзовись
Нам улыбкой радостной!

Дай нам светом озарить
Жизнь свою страдальную
Дай любить нам, дай творить

Ты, уснувший в нас, восстань!
Дай поставленную грань
Нам пройти, превозмочь!
Дай рассеять эту ночь!

В храме любви в ослепляющей славе на троне
горящем
Светлый внимавших ему поучал: кто закон мой
единый
Вечной любви и смирения вечного дерзко
преступит
Будет повергнут в великую скорбь и тоску
отлученья.

Смертные, вам я поведаю тайны небесных
гармоний
Да раздаются гимны и славы на солнечной лире!

Люди, ища разрешенных созвучий им чуждых
касаются струн.

Что за светы дрожат
И, чаруя, слепят?
Что за звуки струят
Нас безумящий яд?

Что сверканьем зарниц,
Что игрой чаровниц
В дыме наших темниц
Нас повергнуло ниц?

Это луч, белый луч
В нас распался, певуч
Своей негою луч
Своей лаской – могуч.

Хрупкий, он рассыпался
Светами и звонами
Бездны огласились
Сладостными стонами.

Заиграли радуги
Расцвелились сны
Цвѣтами манящими
Чувственной весны

Всюду отражения
Всюду чудеса

Слышны зовы тайные
Слышны голоса

Омуты в сиянии
Радужных лучей
Светятся неверностью
Девичьих очей.

Искрятся алмазами
Лона вязких тин
В радужном сверкании
Сети паутин.

Жемчугом осыпана
Нежная волна
Взорами смарагдными
К дну зовет она.

Всюду раскрываются
Пышные цветы
Всюду благовония
Сладостной мечты.

Всё кругом насыщено
Запахами трав
В томности таящими
Ужасы отрав.

Новой, непонятною
Дрожью мир объят

Боги в отражениях
Сны свои дробят.

Страсти неизжитые
Утоленья ждут.
Их благоухания
Манят и зовут.

Мы, земли ароматы, поем
Мы тебя, странник светлый, зовем!

Ты приди, о приди, господин
Здесь тоскующих, влажных глубин

Здесь, в обличии странных теней
Много дивных блуждает огней.

Целый сонм неродившихся снов
Здесь в обличии странных цветов

Мы поем, ароматы земли
Нашим песням, о странник, внемли

Мы поем о восторгах измен
О крушении радостном стен

О блаженстве телесных услад
Песней дивных скрываем мы клад.

Песни благовонные
Влажной глубины
О тебе тоскующей
Страстности полны

Зову нежных запахов
Странник, ты внимай
Радость утоления
Жаждам знойным дай!

Чем бы ни был ты звук
Столько сладостных мук
Порождающий в нас –
Пробил радужный час

Мы отдались тебе
Как заветной судьбе
Мы несемся долу́
В благовонную мглу.

ПЕСНЯ-ПЛЯСКА ПАДШИХ

Мы по тропам, по изрытым
Тропам, трупами покрытым
По два вихря сопряженных
Мчимся хор обвороженный

Черной крови дышим смрадом
Рвемся к мерзостным усладам

Мчимся в пламенной мы пляске
Пляске-ласке, пляске-сказке.

Строить скверные притоны
Там воздвигнуть наши троны
Там отдаться нашей страсти
Нам открывшей жерла-пасти.

Мчимся быстро по обрывам
По ущельям и по срывам
Где растут цветы безумья
Им отдаться без раздумья

Так дух-странник по трущобам
Свой разрыв священный с небом
Дико празднует, беснуясь
Черным зовам повинуюсь

Будь ты проклят троекратно
Смерти страшной лик отвратный
Теми прорубями в вечность
Наша брезгует беспечность

После кратких с ней общений
Манит страсти к воплощеньям
Песням неба, нам докучным
Наши песни не созвучны

К откровенью неба тупы
Нам отрадны только трупы

Только брызги черной крови
Нашей мерзостной любви.

Мы по трупам, мы по трупам
Мчимся быстро по уступам
Ближе к скверне, ближе к сраму
Скоро рухнут грани храма.

Зачем предвечный столь глубокое паденье
Любимых чад своих поволлил допустить
Зачем, зачем у них благое провиденье
Отняло двери указующую нить?

Дабы мучимый знойной жаждой обладанья
Испив до дна кипящий страстию фиал
Познав все ужасы последнего страданья
Достал со дна его сверкающий кристалл

Дабы потом из тех кристаллов многоцветных
Воздвигнуть снова храм бессмертной красоты
Где при торжественном горенье душ заветных
Свершится таинство пленения мечты.

Проникнуть можно лишь сквозь пену
сладострастья²⁴
В ту область тайны, где сокровища души
Где, разлюбив души взволнованной пристрастья
Святой блаженствует в сияющей тиши.

Связь утратив с небесами
Мы рассеялись и сами.
Друг на друга восстаем мы
Войны грозные ведем мы

Каждый ждет кровавой встречи
Каждый алчет алой сечи
И разит рукой умелой
Да погибнет враг несмелый!

Горе слабыми рожденным!
Горе, горе побежденным!
Им измученным в оковах
Не избежать пыток новых.

Слышен лязг цепей железных
И молений бесполезных
Раздирающие крики
Заглушают наши клики.

Звать кого? Кому молиться?
Долго ль, долго ль будут длиться
Наши страшные страдания
Кто услышит глас рыдания?

Умереть... Но лик блаженный
Смерти, нами извращенной
Отвратился от страдальцев
Дола темного скитальцев.

Я всех победней, всех упоенней
Всех дерзновенней и всех сильней
Дыханьем крови всех опьяненной
Я смертоносней, чем яды змей!

Слепого гнева бросаю стрелы
Бросаю вызов всему и всем
И только девы пока не зрелы
Смягчают ужас моих поэм

Мне милы ужас при пораженьи
И умиранья последний вздох
Я Бог алканья и разрушенья
Я бич народов, я крови Бог!

Безумный ринулся и в диком исступленьи
Сердца людей мечом отравленным разит
И насаждая всюду скорбь и озлобленье
Уничтоженьем человечеству грозит.

И бьется долго он, но вот изнеможенный
Облитый кровию, весь в ранах, весь в огне
Роняет меч, в бою неравном пораженный
И, взятый ужасом бежит он, как во сне.

Бежит в пустыню, где под сению молчанья
В приюте мира и всевещей тишины
Душа изведает весь ужас созерцанья
Своей глубокой неискупленной вины

И там растерзанный, весь язвами покрытый
С пронзенным сердцем, весь в лохмотьях и пыли
Лежит он, Бог, себя забывший и забытый
Властитель грозный обгащенной им земли.

И перед взором вереницею проходят
Виденья жертв его разнузданных страстей
Он слышит крики, что из глубей душ исходят
Осиротевших, им замученных детей.

Их страшный вопль, их неутешные рыдания
Ожили стонами больной его души
Проснулись ликами грядущего страданья
Звучат набатом в притаившейся тиши.

И рана каждая измученного брата
В его душе зияет раной огневой
Многострадальная, душа его объята
Волной отчаянья и скорби мировой.

И долго, долго длятся пытки и мученья
Еще огонь их возносящий не угас
И даже с ней, со смертью страшной обрученье
Ему представилось желанным в этот час.

Изнемогает он и гибнет в океане
Страстей пылающих, под грозною волной
Вот всё смешалось и исчезло всё в тумане
Его окутавшем тяжелой пеленой.

Он уступил чьему-то тайному внушенью
Звено упущено... Оторванный от снов
И взятый вихрями стихийного свершенья
Стремится к свету он на чей-то нежный зов.

Не бойся, дитя, я тобою желанная!
Ты, мной ослепленный, меня не узнал!
Не раз за тобой я ходила нежданная
Ты смерти боялся, от смерти бежал.

Тогда разделяли нас к долу пристрастия
Твой взор был всецело землей поглощен
Ты не был готов для святого причастия
Ты мною не мог быть тогда восхищен

Ужели ты та же, что жадными жалами
Пронзала страдавших в темнице времен
Тебе мои ласки казались кинжалами
И в страха глазах был мой лик изменен. –

Зачем приходила ко мне ты в обличи
Слепого чудовища с мертвенным ртом.
Дитя, ты воспринял так смерти величие
Очами испуга всё видел ты злом.

Мой облик лучистый, мой облик сверкающий
Твое отречение от жизни земной
Лишь чистой любовью ко мне истекающий
Меня постигает, любится мной

Я в храме души твоей сладость созвучия
О небе поющих воскрыльями снов
Я сладость единства, я ласка певучая
В блаженном слиянии всех голосов.

Твое отречение от мира пурпурного
В тебе разбудило невесту – меня
Познай же все радости неба лазурного
Тебе я открою все тайны огня!

О Дева пречистая, сладость мечтания
Дай слиться с тобой в совершенной любви
Сладчайший, не пройден весь путь испытания,
Твой грех не искуплен, одежды в крови.

Ты должен идти к погибающей братии
И душу свою на служенье отдать
Людей приготовить к страданья приятию
Пасть жертвой и тем обрести благодать

Тайным зовам души
Ты внимай и спеши
Погибающим весть
О небесном принесть.
Научи их тому
Что рассеяло тьму,
Что со мной изучал
О начале начал

Что в страдании свет
И что в свете ответ
Что ответ этот я
Цвет иного бытья
Ты скажи, что мы все
В заревой полосе
Что в жемчужной дали
Уж горят хрустали!
Чтобы к чаше огня
Все припали, кляня
Власть слепую страстей
Их опасных сетей
Чтобы каждый кристалл
С дна той чаши достал
Чтоб слезами омыл
Чтоб готовым он был
Обрести благодать
И мне храм воссоздать
Где тебя и меня
В танце судного дня
В час любовийных чудес,
В танце звезд, что с небес
Низойдут к нам в чертог,
Нас вместить бы он мог!

Виденье нежное истаяло в тумане
Его объявшем. Снова тает пелена
Опять в пустыне он один лежит как ране
Но он не тот: в его душе царит весна

Стремится к людям он, страданьем обновленный
Им преподавать, что ожидает их в пути;
Идет любовью и знаньем окрыленный
Их от насилия страстей слепых спасти.

И говорит он не страдавшим: вам мученье!
А пострадавшим: полюбите горечь страд!
В глубинах пыток – от желаний отречение,
А в отреченьи свет неведомых отрад!

У нас, живущих в мире тайн пурпурно-звучных
Огонь живой земных желаний не угас!
Не понимаем мы речей твоих докучных!
Напрасно, странник ты пришел тревожить нас!

Как затеряться сладко нам в лесу созвучий
И в храме сумраков томиться и блуждать
Как неизвестность нам мила, как сладок случай
И как чужда небес далеких благодать.

Окинул взорами и дышащий соблазном
Как всеми красками расцвеченный порок
Во всей красе его живой, многообразной
Увидел мир, им к жизни вызванный, пророк.

И слышит он зовов ночных голоса
– Приди, здесь повсюду живут чудеса!

Приди, мы тебя угасанью научим!
Любви опьяняющей, ласкам певчим!

Ты будешь как сумрак, объятый дремой
А вскоре, изгаснув ты станешь и тьмой.

Во тьме же зажжется роскошным пожаром
Карбункул, безумящий сладным угаром.

Ты тайны познаешь земной красоты
Ты будешь срывать ощущений цветы.

О сладоствие
Ласк извивных
О любви
Струй изливных!

Странник, ты истину чувства познай
В счастья супружеском смертному рай

Вот мой единый, мною избранный,
Мною от века томительно жданный

Он лишь во мне, одной изо всех
Видит источник сердца утех.

Он чрез меня, в благом единеньи
Силой своей познаёт упоенье.

Верность в супружестве, деньги, уют
Смертному счастье купно куют.

Весь осиянный блеском сапфирным
Дышит дворец наш счастьем мирным.

Странник ты истине чувства воздай
Только в супружестве смертному рай

Прими взамен твоей мечты
Рассудка истину простую
Из стали опыта литую
Прими – и счастлив будешь ты

Религий сладостный обман
Меня давно уж не пленяет
И разум мой не затемняет
Их нежно-блещущий туман

Рассудок мой, всегда свободный
Мне утверждает: я один!
Я всей вселенной властелин!
Я наблюдаю бог холодный.

Мой мир – не божие творенье
Мой мир – движение и прах
Пред Богом наших измышлений
Я победил нелепый страх!

Он – созерцание гармонии
И всеединства мира снов
А мир – роскошная симфония
Его различных голосов

Земные истины созвучные
А с ними истины небес
Слились в аккорды полнозвучные
Из струн исторгнутых чудес

Ему грядущие мгновения
Несут созвучий новый строй
Он весь – святое упоение
Своей божественной игрой

И под десницею божественной
Послушна каждая струна
На солнце-лире гимн торжественный
Играет пламени волна.

Всё напряженной струны лирные
Всё глубже смотрит в душу взор
До дна испейте чаши пирные
Звучи, светися, звездный хор.

Он повторяет нестрадавшим: вам мученье!
А пострадавшим: полюбите горечь страд
В глубинах пыток от желаний отречение
А в отречение свет неведомых отрад!

Вот он, настаивая, гнев навлек и мщенье
Его преследуют, ведут его пытатъ
А он, блаженствуя, с улыбкою прощенья

За вас молюсь я, заблудившиеся братья,
Благословляю ненавидящих меня,
Благословляю ваши страшные проклятья
Через них причастник я небесного огня!

И вы познайте, о познайте сладость муки!
Ищите сердца вы страданье полюбить
Изведать скорбь, изведать терния разлуки;
И вы обряцете спасительную нить!

Вы смерти ищете, того не сознавая,
И жизнь-то любите вы только потому,
Что смерти отблески, в мгновениях играя,
К ним манят вас через жизненную тьму.

Когда ж неволью вы ко смерти воззовете,
И наслажденье станет болью огневой
И явит лик она, то вы в своем полете
Опять задержаны боязнью роковой!

Держайте, смертные, до дна испить фиалы
Вам уготованные волею отца
Пусть жизней ваши многоцветные кристаллы
Отобразят лик сокровенный до конца.

Ему дивились. Но народ им возмущенный
(Своим ученьем он покой их нарушал)
Его убил, и с высоты, развоплощенный,
Он всходы семени ученья наблюдал

Зачем так легко увядает
Едва распустившийся цвет?!

Зачем враг идет на погром
В наш только отстроенный дом?!

Рассудок зачем удаляет
От жаждущих истины свет?

Мы в наши лучшие мгновения
Камней роскошных видим блеск.
Но сколь недлительно забвение!
Единый взлет, единый всплеск!

С высот мы падаем стремительно,
И снова мрак... и снова тлен...
И снова ждем мы все томительно,
Когда мы праха сбросим плен.

Как овладеть тобой, заветная,
Как, о мечта, тебя пленить
Дай нам ответ, о сладосветная
Пошли спасительную нить

Объяли душными темницами
Нас храмы прежние чудес
И только бледными зарницами
Их озаряет свет небес

Как истомились мы разлукою
Как исстрадались в узах мы
Сердца горят последней мукою
И жадной свергнуть царство тьмы.

Всё тот же путь, что в нисхождении
Сюда в темницы вас привел
Вас поведет к освобождению
Когда изжитым станет дол

И то движение извечное,
Что породило этот мир,
Разрушит грани, и конечное
Истает сладостно в эфир.

Разрушит танец все обители
Душевных мук, сердечных драм
И вы, камней цветных хранители
Из них иной создайте храм.

Дабы в блаженном опьянении
Его бессмертной красотой
В последнем, сладостном свершении
Вам овладеть своей мечтой.

Несите камни драгоценные
Из благовонной глубины,
Пришло мгновение священное
Связать раздробленные сны!

Пробил сладостный час
Пробудился ты в нас
Мы несемся горе
К восплававшей заре.

И прозрелось нам
Что в движении – храм
И что жертва и жрец
Наш творящий отец
Возыгравшую плоть
Восхотевший бороться.

Стены храма как гимны свободе горят
И сверкает столпов ослепительный ряд.

Каждый камень волшебной-поющей звездой
Со струны солнце-лирной упал огневой.

Он блаженно упал
Как звенящий кристалл
Как сверкающий звук
Полный сладостных мук
И блестят как топаз,
Гиацинт, хризопраз
Как карбункул, опал,
Сардоникса кристалл
Как смарагд, маргарит
Халкедон, хризолит
Как небесный сапфир
Как ласкающий мир

Он горит, как единый всецветный алмаз
Этот храм – наша жизнь, наш расцвет, наш экстаз.

На жертвенник, горящие сердца!
На жертвенник, цветы переживаний!
Готовьтесь ко приятию отца!
Ко встрече мига ваших упований

Я слетевший с небес
Бог любовных чудес.
Не учить, а ласкать
Душ воскрыльную рать
Их позвавший на пир
Я пришел в этот мир!
Каждой жажде в ответ
Приношу я расцвет.
То не истины гнет,
К вам свобода грядет!

Я утверждение всеоживляющее,
Я отрицание всесозидающее²⁵

Разделяйтесь, расцветайте,
На высоты взлетайте,
И победу над стихией
В пляске празднуйте священной
В красоте Иерархии
В красоте неизреченной

Пляска – первая причина
И суда вершитель правый
Всё соделает единой
И сверкающей державой!

Кто светлее, к сердцу ближе
Чем тусклее, тем всё ниже
Кто дерзает в сокровенный
Лик божественный взглянуть
Тот взлетай, благословенный
Для того открытый путь!

Я последнее свершение
Я блаженство растворения
Я всезвездности алмаз

Я свобода, я экстаз!

Вот он, вот, в учащенном биении сердец
В нашей пляске живой к нам сходящий отец
Вот она, в растворении сладостном твердь
В нашей пляске живой к нам грядущая смерть

Пробил судный час
Пробудился ты в нас
Мы несемся горе
К воспылавшей заре.

Все мы – влюбленный
Ток, устремленный

От мига к вечности в путь к бесконечности
От каменной мрачности к светлой прозрачности
 Так как на каменном
 Творчеством пламенным
 Лик твой Божественный
 Запечатлели

Мы, увлеченные
Смерти видением
Мы, улегченные
В нашем движении

Зажгись, священный храм, от пламени сердец
 Зажгись и стань святым пожаром
Смесься блаженно в нас, о сладостный отец,
 Смесься со смертью в танце яром!

В этот последний миг совлечения
Вбросим мы вечности наших мгновений
В этом последнем звучии лирном
Все мы растаем в вихре эфирном

Родимся в вихрь!
Проснемся в небо!
Смешаем чувства в волне единой!
И в блеске роскошном
Расцветает последнего
Являясь друг другу

В красе обнаженной
Сверкающих душ
Исчезнем...
Растаем...

ВАЛЕРИЮ ЯКОВЛЕВИЧУ БРЮСОВУ²⁶

Властитель и любовник нежный мира
Далекого и чуждого тебе,
Я, вняв своей загадочной судьбе,
Увы, не гость сегодняшнего пира.

Но будь послушна, о поэта лира,
И в сем послании дай в похвальбе
Воспеть собрата мне по ворожбе
И многих душ пророка и кумира.

И ты, о жрец, меня не осуди
И не почти, поэт, за дерзновенье
Неискушенных рук прикосновенье

К струнам неведомым: в моей груди
Желанье властное мной смеет править,
На языке родном тебя восславить.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ
(1873 – 1924)

НА СМЕРТЬ СКРЯБИНА²⁷

Он не искал – минутно позабавить,
Напевами утешить и пленить;
Мечтал о высшем: Божество прославить
И бездны духа в звуках озарить.

Металл мелодий он посмел расплавить
И в формы новые хотел излить;
Он неустанно жаждал жить и жить,
Чтоб завершенным памятник поставить,

Но судит Рок. Не будет кончен труд!
Расплавленный металл бесцельно стынет:
Никто его, никто в русло не двинет...

И в дни, кода Война вершит свой суд
И мысль успела с жатвой трупов сжиться, –
Вот с этой смертью сердце не мирится!

Вячеслав Иванов
(1866 – 1949)

ПАМЯТИ СКРЯБИНА²⁸

1

Осиротела Музыка. И с ней
Поэзия, сестра осиротела.
Потух цветок волшебный, у предела
Их смежных царств, а пала ночь темней

На взморие, где новозданных дней
Всплывал ковчег таинственный. Истлела
От тонких молний духа риза тела,
Отдав огонь Источнику огней.

Исторг ли Рок, орлицей зорко рея,
У дерзкого святыню Прометея?
Иль персть опламенил язык небес?

Кто скажет: побежден иль победитель,
По ком, – немея кладбищем чудес, –
Шептаньем лавров плачет муз обитель?

Он был из тех певцов (таков же был Новалис),
Что видят в снах себя наследниками лир,
Которым на заре веков повиновались
Дух, камень, древо, зверь, вода, огонь, эфир.

Но между тем, как все потомки признавались,
Что поздними гостями вошли на брачный пир,
Заклятья древние, казалось, узнавались
Им, им одним опять – и колебали мир.

Так! Все мы помнили – но волил он и деял.
Как зодчий тайн, Хирам, он таинство посеял
И Море Медное отлил среди двора.

«Не медли!» – звал он Рок; и зову Рок ответил.
«Явись!» – молил Сестру – и вот – пришла Сестра.
Таким свидетельством пророка Дух отметил.

НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ²⁹

Юрию Верховскому

Мечты ли власть иль тайный строй сердечный,
Созвучье молчаливое певцов,
Иль нежный серп над белизной зубцов,
И встречный звон, и луч заката встречный,

И рдеющий убор многовенечный
Церквей и башен, или дух отцов
Двоих путеводили пришлецов
На кладбище обители приречной, –

Но вечер тот в душе запечатлен.
Плыл, паруса развив, ковчегом новым
Храм облачный над спящим Соловьевым;

А за скитом, в ограде внешних стен,
Как вознесенный жертвенник, молила
О мире в небе Скрябина могила.

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ
(1867 – 1942)

ПРЕОБРАЖЕНИЕ МУЗЫКОЙ³⁰

*Ушедшему, но в сердцах наших существу
Александрю Николаевичу Скрябину*

1. Рождение музыки

Звучало Море в грани берегов.
Когда все вещи Мира были юны,
Слагались многопевные буруны,
В них был и гуд струны и рев рогов.

Был музыкаю лес и каждый ров.
Цвели цветы, огромные как луны,
Когда в сознании прозвучали струны.
Но звон иной был первым в ладе снов.

Повеял ветер в тростники напевно,
Через их отверстия ожили луга.
Так первая свирель была царевна

Ветров и воли, смывшей берега.
Еще, чтоб месть и меч запели гневно,
Я сделал флейты из костей врага.

2. Младший

Ватага наохотилась и ела.
Хрустели кости лошадей и коз
Вокруг костров. Там дальше был откос.
И он сидел у самого предела.

Он с краю был. Меньшой. Такое дело,
Как бить зверей – в нем не будило грез.
Он съел кусок добычи. Кость поднес.
Там дырка. Глянул. Дунул. Кость запела.

Обрадован, он повторял тот звук.
Журчащий свист. Он был похож на птицу.
Кругом смеялись. Но уж он цевницу

Почувствовал. Движенье ловких рук.
Отверстья умножали голос мук.
Всклик счастья. Он зажег свою зарницу.

3. Свирель

Журчание пастушеской свирели,
Растущее с рассветным светом в лад.
Движенье удаляющихся стад.
Дремлю. Так хорошо побыть в постели.

На венчиках цветов, как в колыбели,
Оставил росы огненный закат.

Их самоцветам глаз вчера был рад.
Сейчас они вторично заблестели.

Там холодно, а здесь мне так тепло.
Смыкаются усталые ресницы.
Мне всё равно, что будет, что прошло.

Ум потонул. Деревьев вереницы.
Лес. Наводнение. Искрится весло.
Поют в ветвях лазуревые птицы.

4. Два голоса

Она мне говорит: «Я ласкою объемлю».
И он мне говорит: «Я горячей горю».
Я слушаю его. И ей любовно внемлю.
Обоим им в душе воздвиг по алтарю.

Я в колебании качаюсь и творю.
Душой звенящею я музыку приемлю.
И звон малиновый поет мою зарю.
И океанами рассвет объемлет землю.

Она мне говорит. И женскому я рад.
Но он мне говорит. Я с ним в ином законе.
Во влаге пламенной плыву в огнистом стоне.

И вот уж лунный ход размеренных сонат,
Как ветер отяжелев набатом благовоний,
Вступает в солнечность ликующих симфоний.

5. Волею рук

Настраиванье скрипок. Ток ручьев,
Себя еще пытающих, неровных,
Но тронувших края надежд верховных,
И сразу доходящих до основ.

Дух пробужден. В нем свет, который нов.
Пробег огней утонченно-духовных.
Мир возниканья снов беспрекословных,
По воле прикасания смычков.

Миг тишины. В огнях застыла зала.
Не дрогнет жезл в приподнятой руке.
Еще сейчас душа была в тоске.

Вот, в ней мгновенно притупилось жало.
И с пальцев рук течение побежало.
И дух плывет в ликующей реке.

6. Предошущение

На уводящих проволоках иней.
Сгущенный, весь изваянный Луной.

Чрез окна говорят они со мной,
Те дружные ряды продольных линий.

Я далеко. Над Капри воздух синий.
Волна, играя, говорит с волной.
Горит Везувий. Лава пеленой.
Ветвится дым разливом черных пиний.

Я с вами, пламя, золото и сталь.
Я там, где жерла, срывы гор, изломы.
Во мне всегда поет и кличет даль.

В душе хотят прорваться водоемы.
Бьет полночь. Бледный, сел я за рояль.
И в тишине смотрящей были громы.

7. Зовы звуков

Звук арфы – серебристо-голубой.
Всклик скрипки – блеск алмаза хрусталистый.
Виолончели – мед густой и мгlistый.
Рой красных струй, исторгнутых трубой.

Свирель – лазурь, разъятая борьбой,
Кристалл разбитый, утра ход росистый.
Колоколец ужалы – сон сквозистый.
Рояль – волна с волною в перебой.

Но как среди плодов душисто манго,
Струя истомно-пряный аромат,
Мне хочется всегда уйти назад, –

Туда, где был, – где сини воды Ганга, –
И дальше, до лиан, в Яванский сад,
К тоске ручьиистой звуков гамеланга³¹.

8. Музыка

Кто шепчет через музыку с сердцами,
Что говорит в ней волею с душой?
Мы грезой зачарованы чужой,
И тот чужой – родной, он плачет с нами.

Проходят тени прошлого струнами.
Душа заморозилась глубиной.
Ты тайный – за прозрачною стеной,
Недостижимо-близко и с крылами.

Что в музыке? Восторг, неожиданность, боль.
Звук с звуком – обручившиеся струи.
Слиянье в Волю сонма разных воль.

О, все живые были в поцелуе.
С очей слепых вдруг отошли чешуи.
Еще побыть в прозрении дозволю.

9. Великий Обреченный

Он чувствовал симфониями света,
Он слиться звал в один плавучий храм –
Прикосновенья, звуки, фимиам,
И шествия, где танцы, как примета, –

Всю солнечность, пожар цветов и лета,
Всё лунное гаданье по звездам,
И громы тут, и малый лепет там,
Дразненья музыкального расцвета.

Проснуться в Небо, грезя по Земле.
Рассыпав вихри искр в пронзенной мгле,
В гореньи жертвы был он неослабен.

И так он вился в пламенном жерле,
Что в Смерть проснулся, с блеском на челе,
Безумный эльф, зазыв, звенящий Скрябин.

10. Эльф

Сперва играли лунным светом феи.
Мужской диэз, и женское, бемоль,
Изображали поцелуй и боль.
Журчали справа малые затеи.

Прорвались слева звуки-чародеи.
Запела Воля вскриком слитных воль.

И светлый Эльф, созвучностей король,
Ваял из звуков тонкие камеи.

Завихрил лики в токе звуковым.
Они светились золотом и сталью.
Сменяли радость крайнею печалью.

И шли толпы. И был певучим гром.
И человеку Бог был двойником.
Так Скрябина я видел за роялью.

1916. Лето. Осень
Ока. Клязьма

ФИЛОСОФ – МУЗЫКАНТ – ПОЭТ

1

Неожиданная смерть гениального русского композитора, настигшая его в самом расцвете жизненных сил и таланта, буквально шокировала русское общество. В ней увидели знамение времени и трагедию Рока, спровоцированную самим же Скрябиным.

Надвигающийся Апокалипсис ощущали все. Только только началась Мировая война. Десять лет как отгремела революция 1905 года, разразившаяся после катастрофического национального позора и унижения на Дальнем Востоке. Россия готовилась к новым тектоническим разломам: в недрах ее зрели «невиданные перемены, неслыханные мятежи»... Скрябин был одним из тех, кто наиболее чутко отреагировал на приближение неотвратимого общественного «Безумья».

Бурный талант Александра Скрябина был на удивление многогранен и синтетичен. Недаром вслед за Владимиром Соловьевым он придерживался широко осмысленной идеи соборности как всеобъемлющего синтеза основных мировых религий, доминирующей особенности русского национального сознания и синестезического слияния всех видов искусства.

Движимый этой идеей, Скрябин стремился насытить свою музыку философским и поэтическим смыслом. Вербальность была неотъемлемой составной частью его творений. Поэтические тексты к ним композитор писал сам. Вот почему в скрябинском окружении мы видим так много поэтов. Ему, признанному символисту в музыке, ближе всего были, естественно, символисты в поэзии: Валерий

Брюсов, Константин Бальмонт, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Юргис Балтрушайтис.

С другой стороны, Скрябин был не прочь испробовать свои силы в поэтическом творчестве как таковом³². Незадолго до своей смерти он написал сонет «Валерию Яковлевичу Брюсову». Стихотворение было приурочено к возвращению маститого поэта с театра военных действий и празднованию 25-летия его литературной деятельности. Чествование состоялось 18 января 1915 года.

По всем правилам сонетного этикета чествуемый поэт должен был ответить Скрябину в том же духе. Ответ последовал, но уже не застал композитора в живых. Поэтому стихотворение Брюсова естественным образом преобразилось из приветствия в эпитафию. Его содержание в прозаической транскрипции можно представить примерно следующим образом:

Покойный композитор вместо того, чтобы своими «напевами» забавлять, утешать и пленять почтеннейшую публику, стремился к более возвышенным целям, а именно: «Божество прославить / И бездны духа в звуках озарить». В поисках новых форм он смело расплавлял «металл мелодий». Неустанная жажда жизни двигала им, чтобы завершить памятник своим свершениям. Но Рок судил иначе. Остался неоконченным труд, «расплавленный металл» уже никогда не обретет предназначенных ему форм. Несмотря на то, что война примирила мысль с «жатвой трупов», именно этой смерти сердце не принимает.

Как видим, образная мысль поэта предельно абстрактна. Вышедшая из-под его пера эпитафия применима к смерти любого крупного композитора. Оплакиваемый лирический персонаж почти лишен скрябинских черт, не говоря уже о поэтической интерпретации произведений, определяющих своеобразие его творческой индивидуальности.

Совершенно иным оказался поэтический отклик на то же самое трагическое событие Вячеслава Иванова, посвятившего ему два тематически связанных сонета. Первый сонет был опубликован по горячим следам в той же самой газете, что и сонет Брюсова, но несколькими днями позже. Спустя некоторое время последовало продолжение. Оба сонета были объединены в миницикл в составе «Света вечернего», последней подготовленной поэтом книги стихов, опубликованной посмертно.

Творческие контакты между Скрябиным и автором «Сог Арденс» были весьма интенсивными и продуктивными. Последний признавался: «С благоговейной благодарностью вспоминая я об этом сближении, ставшем одною из знаменательных граней моей жизни. <...> Теоретические положения его о соборности, о хоровом действе, о назначении искусства оказались органически выросшими из его коренных и близких мне интуиций: мы нашли общий язык». В этом высказывании, кстати сказать, можно увидеть косвенный ответ на сонет Скрябина, адресованный Брюсову, в котором он просит своего адресата «не осудить» его за «дерзновенное» желание «восславить» поэта на «родном для него языке».

В отличие от Брюсова, Вяч. Иванов последовательно конкретизирует образ композитора, рассматривая его не как художника-творца вообще, а как неповторимую творческую личность. Сонет начинается с несколько неожиданного утверждения, что со смертью Скрябина «осиротели» сразу два вида искусства – Музыка и ее сестра Поэзия. Речь, иными словами, идет по крайней мере о двусоставном характере его творчества.

Смерть Скрябина уподобляется угасанию «волшебного цветка», т. е. огня, и не где-нибудь, а «у предела» двух «смежных царств», Музыки и Поэзии, и наступлению «темной ночи» на некоем «взморьи», где только-только всплы-

вал «таинственный ковчег» «новозданных дней». Этот образ не сложно истолковать в категориях, актуальных для того поколения, от имени которого Александр Блок провозгласил: «Мы дети страшных лет России». Оно переживало свое время эсхатологически, как некий Апокалипсис, в огне которого закономерно сгорает старый мир и нарождается новый. На основании мистического истолкования таких произведений композитора, как «Поэма экстаза» и «Прометей. Поэма огня», посвященных «активной энергии Вселенной»³³, их создатель воспринимался идеологом и провозвестником новых, надвигающихся общественных катаклизмов³⁴. О таком повороте мысли свидетельствует упомянутый образ «таинственного ковчега», намекающий на возможность опосредованно уподобить Скрябина ветхозаветному Ною. Еще любопытнее эмоциональная реакция, которую вызывала его музыка у современников. Приведем для примера два наиболее характерных и созвучных друг другу свидетельства:

На премьере «Прометей» в переполненном Дворянском собрании я видел, как подскакивает Скрябин на своей вертушке: удавалось-таки ему, где нужно, перекричать громовой голос оркестра вздрембезжавшим ввысь бешеным рояльным голоском. Потрясал «Прометей», глагол этот многотерпеливый тут незаменим. Когда поднялось, незадолго до конца, неслыханной силы крещендо, я не мог усидеть на стуле, встал и увидел: там и тут другие, не столь юные, как я, тоже поднялись со своих мест. <...> Пустоты в этом грохоте и звоне, в этом выдыхе труб, исступлении скрипок отнюдь я не ощутил, не устыдился своего порыва и потому, как вспомню, умиленно вижу и сейчас руки легонького человечка, с высоты бросающего их на клавиши³⁵.

Эта фигура вдохновенного Скрябина за черным роялем в полупогашенных огнях залы, темная масса энтузиастов, замерших около высокой эстрады, его устремленный ввысь взор и полузакрытые глаза – и звуки бесконечного томления – шедшие из этого одухотворенного рояля – эта картина стоит, как живая, в моей памяти; сколько раз я видел ее, и вникал в нее, вот этот самый человек, маг этих звуков, хочет вести за собою человечество в путь экстаза и безумия, в путь непонятого иррационального счастья уничтожения. Не лежит ли в природе этих самых звучаний эта жажда уничтожения и растворения? И сколько раз я самого себя ловил на этой экстатической жажде уничтожения в миги этих волшебных звуковых огней.... Да, но это мы, изолированные, несчастные «верхние 10 000», а ведь он, этот человек с пушистыми усами и ясным взором, так изысканно одетый, ведь он собирался вести, шутка ли сказать, – всё человечество. В чем тут дело? Или гению простительно быть и безумным?

Он думает повести человечество к огненному преобразению...³⁶

Наконец, еще один ряд иносказания события смерти связан с процессом неизбежного отделения бессмертного духа от его земной оболочки: «Истлела / От тонких молний духа риза тела, / Отдав огонь Источнику огней». Как видим, и здесь не обошлось без сквозной огненной метаморфозы. Круг замыкается: пассионарный огонь индивидуального Духа возвращается к универсальному Источнику всего и вся. Косвенным образом в этой поэтической мысли отражается убеждение Гераклита в том, что всё

сущее периодически возникает из огня, в нем погибает и возрождается вновь³⁷.

На пороге терцетной части по всем правилам музыкального контрапункта вступает мотив Рока. Но он не вносит ожидаемого тематического перелома, а последовательно продолжает развитие лирического сюжета, уже набравшего, казалось бы, полную силу в катренах. Вместо того, чтобы подобно Брюсову представить Рок абстрактной аллегорией Судьбы («Но судит Рок»), Иванов поручает ему активную роль похитителя «святыни Прометея», актуализируя исключительно выразительный парадокс: Рок «исторг» «у дерзкого» «святыню Прометея», т. е. всё тот же огонь, который сам титан, как известно, некогда похитил у Гефеста. Нельзя не восхититься в этой связи и тем, как тонко мотивировал поэт сравнение роковой надличностной силы с «зорко реющей орлицей».

Заключительный стих первого терцета – «Иль персть опламенил язык небес» – внешне намекает на альтернативу действиям Рока, однако на поверку представляет их видоизмененную вариацию. Кроме того, отсюда протягивается возвратная ассоциативная связь с уже прозвучавшим во втором катрене образом. В результате «риза тела», она же «персть», земная оболочка духа, сгорает как бы с двух сторон, под воздействием внутреннего и внешнего (небесного) огня.

Замок сонета, распространившись на весь последний терцет, не имеет, однако, убедительной законченности финала. Он замыкает развитие лирической темы, если можно так выразиться, предварительно, на время. Содержащийся в нем риторический вопрос – «Кто скажет: побежден иль победитель, / По ком, – немея кладбищем чудес, – / Шептаньем лавров плачет муз обитель?» – не предполагает ответа. Следовательно, он не уполномочен захлопнуть дверь, чтобы наглухо замкнуть первый сонет. В

качестве пунктуационного ограничителя предложения вопросительный знак так же отличается от восклицательного, как многоточие от точки. В данном конкретном случае лучшим вариантом было бы многоточие с вопросительной интонацией.

Второй сонет миницикла, «Он был из тех певцов (таков же был Новалис)...», первой же строкой подхватывает мотив, уже заявленный ранее. Композитор именуется «певцом», традиционным синонимом поэта, и уподобляется немецкому романтику Иенской школы, с которым у него было много общего. Оба были романтиками в самом широком смысле слова. Оба одушевлялись романтической же идеей смешения в едином творческом акте разных видов искусства. Оба были убеждены в том, что существует некая духовная первооснова мироздания: для Новалиса – любовь и сопровождающий ее «голубой цветок» как символ поэзии, для Скрябина – амбивалентная стихия огня³⁸. Оба в поисках идеала погружались в глубины отдаленного прошлого: средневековья («Генрих фон Офтердинген») и античной мифологии («Прометей. Поэма огня»). Но самое главное, оба были «певцами», «что видят в снах себя наследниками лир, / Которым на заре веков повиновались / Дух, камень, древо, зверь, вода, огонь, эфир», т. е. принадлежали к типу художников, дерзавших ставить перед собой эпохальные творческие задачи. Так, казалось бы, вполне мимолетное, в скобках, уподобление актуализирует концептуальную мысль о соборно-синтетическом пафосе деятельности великого композитора.

Нельзя, конечно, не обратить внимания на подробный, подобранный с оглядкой на античное философское наследие перечислительный ряд первоэлементов, среди которых свое законное место занимает и столь значимый для Скрябина огонь. Он призван еще раз подчеркнуть релевантный, основополагающий характер его творческих

свершений. Художник выступает в роли Творца, каждый раз создающего мир заново. Скрябин действительно мыслил исключительно масштабными, мистериальными категориями, синтезируя в едином креативно-художественном действе созидание, гибель и грядущее возрождение Вселенной, обращаясь через головы своих восторженных почитателей ко всему человечеству.

Главную мысль, которую развивает Иванов во втором сонете в дополнение к первому, можно было бы сформулировать следующим образом: Скрябин не был среди пассивных соглядатаев жизни, ламентирующих о том, «что поздними гостями вошли на брачный пир». Напротив, он темпераментно познавал «древние заклатья» и как никто другой «волил» и «деял», чтобы с их помощью «колебать мир». Кипучая энергия его усилий знаменательно сопоставляется с деятельностью легендарного основателя масонства Хирама-Авия, начальника строительства храма царя Соломона: «Как зодчий тайн, Хирам, он таинство посеял / И Море Медное отлил среди двора».

Миф о Хираме (в других вариантах Гираме, Адонире, Адонираме) излагается в Священном писании: в 3-й книге Царств (гл. 7: 13, 23–27, 44), во 2-й книге Паралипоменон (гл. 3) и в книге Иеремии (гл. 27: 19; гл. 52: 17, 20). В адаптированном виде его пересказал в своей книге «Иудейские древности» Иосиф Флавий³⁹. Интересующее нас медное «море» в его интерпретации было «вылито в форме полушария»:

<...> Такое название «моря» этот сосуд для омовения получил благодаря своим объемам, потому что он имел в диаметре десять локтей, а толщина была в ладонь. Дно этого сосуда в середине покоилось на подставке, состоявшей из десяти сплетенных [медных] полос, имевших вместе локоть в ди-

аметре. Эту подставку окружало двенадцать волов, обращенных по трое во все четыре стороны света и примыкавших друг к другу задними конечностями, на которых и покоился во всей окружности своей медный полушаровидный сосуд. «Море»⁴⁰ это вмещало в себя три тысячи батов⁴¹.

Впоследствии миф, особенно та его часть, где повествуется о «медном море», получил беспрецедентную популярность среди масонов. Некоторые его детали паразитическим образом откликаются в сонетном миницикле Иванова «Памяти Скрябина»:

Авель и Каин на самом деле были сводными братьями. Отцом Авеля был Адам, а отцом Каина – Эблис-Люцифер. Каин не оставил детей и потомков брата, слабых, беспомощных, воспитанных в духе рабской покорности. Он и его потомки, несущие в своих генах дух свободы, творческого и созидательного начала, оказывали им поддержку на протяжении нескольких поколений. Каин научил детей Адамовых земледелию; сын его Енох посвятил их в тайны общественной жизни; Мафусаил обучил письменам; Ламех – многоженству; сын Ламеха Тувалкаин наставил их в искусстве плавить и ковать металлы; Ноэма, сестра Тувалкаина, познавшая своего брата, обучила их прясть пряжу и ткать одежды.

Адонирам – прямой потомок Каина, благородный отпрыск Вулкана, сына Тувалкаина. Вулкан в расселине Этны сохранил себя от потопа и впоследствии познал жену Хама, родившую ему Хуса, отца Нимврода, сильного зверолова пред Богом. Таков род Адонирама, таков и сам Адонирам. И

живет этот сын гениев огня печальный и одинокий среди детей Адамовых, никому не открывая тайны своего происхождения.

Именно его отправил тирский царь Хирам на строительство Храма царя Соломона.

В гости к Соломону приезжает царица Савская Балкида. Царь с гордостью демонстрирует ей свои роскошные владения. Среди всего этого великолепия увидела царица корень лозы виноградной; и был тот корень вырван из земли и с небрежением отброшен в сторону... С гневом укорила она Соломона: – Ты воздвиг свою славу на могиле отцов твоих!.. Лоза эта священна: она была посажена Ноем⁴² отцом отца твоего рода. Только кощунство его потомка могло дерзнуть вырвать священное древо это с корнем. Знай же, что последний Царь из твоего рода будет как последний из злодеев, пригвожден к тому древу, которое должно было бы быть для тебя священным.

Воспылал Соломон к царице Савской любовью. И на мольбы его ответила она согласием своим стать ему супругой, а народу еврейскому мудрой царицей.

Когда Соломон поведал о «медном море», которое собирался отлить Адонирам, царица захотела увидеть искусного мастера. Адонирам и Балкида с первого взгляда полюбили друг друга. Мучимый ревностью Соломон замыслил с помощью трех недобросовестных работников посрамить соперника.

Разорвалась под напором литья предательски испорченная форма, и брызнул жидкий огонь из всех трещин огромного бассейна. Смешались друг с другом огонь и вода и вступили в борьбу между

собою: кипит вода и обращается в пар; освобождаясь от объятий пламени, брызжет в воздух расплавленный металл и дождем жидкого огня проливается на народ. Вдруг из глубины огненного моря слышит Адонирам страшный громовый голос, исходящий из самых глубин клокочущего пламени. Выходит предок Адонирама Тувалкаин и увлекает его в недра земли, где пребывает сам родоначальник Люцифер-Денница. Тувалкаин вручает Адонираму молот, некогда отверзший Этну, и предрекает будущее:

– Внимай, мой сын! Родится сын от тебя, которого ты не увидишь, и тот произведет от тебя бесчисленное потомство. И будет род твой неизмеримо выше породы Адама, но порода эта покорит под ноги свой род твой. И многие века благородный род твой всё мужество свое, весь гений свой отдавать будет на благотворение неблагодарной и бессмысленной породе Адама. Но настанет день, – и лучшие сильнейшими явятся, и восстановят они веру владыки Огня. Дети твои, объединившись под твоим именем, разобьют, как сосуд скудельный, власть царей земных, ибо они представители тирании Адонаи⁴³ на земле. Иди же теперь по предназначению твоему, сын мой, и гении Огня да будут с тобою!

Пророчество сбылось. Адонирам вернулся на землю, завершил отливку «медного моря», пал жертвой коварства своих врагов, но царица Савская родила от него сына и он, таким образом, положил начало роду людей-мастеров, которые были основателями масонства⁴⁴.

Как видим, апокрифический миф, скрывающийся за сравнением-мифемой «Как зодчий тайн, Хирам, он таинство посеял / И Море Медное отлил среди двора», реализован в сонетах Вяч. Иванова с удивительной полнотой. Каждый посвященный легко его узнавал и прочитывал между строк. Вместе с тем эта металлургическая метафора – единственное, что, казалось бы, позволяет аргументированно трактовать сонеты Брюсова и Иванова как результат творческого соревнования между двумя мэтрами символизма. Взамен риторическому иносказанию, к которому прибегает Брюсов, – композитор плавит металл мелодий, готовит для них новые формы, чтобы в конечном итоге отлить памятник своему вдохновенному труду, – Иванов активизирует гигантские изобразительно-выразительные возможности мифа о «зодчем тайн» Хираме и его «Медном Море».

Труднее всего, как кажется, однозначно интерпретировать заключительный терцет и, в особенности, его финальную строку:

«Не медли!» – звал он Рок; и зову Рок ответил.

«Явись!» – молил Сестру – и вот – пришла Сестра.

Таким свидетельством пророка Дух отметил.

(131)

Возвращение на новом витке спирали к неотвратимой применительно к жанру сонета-эпитафии теме Рока отбрасывает ответ на также уже знакомый нам образ Сестры, но, скорее всего, не одной из той пары сестер (Музыки и Поэзии), которые были упомянуты прежде, а той, которая сродни... Жизни. Вспомним крылатую максиму Энгельса: «Жить – значит умирать!» Роковая Сестра – конечно же, по имени Смерть. Пророк, получается, подтвердил свою непререкаемую правоту самым неопровержимым

аргументом, сгорев в стихии возжженного им же самим Огня.

Таинственной смерти Скрябина Вяч. Иванов посвятил еще два произведения: «Воспоминание о А. Н. Скрябине» (1915) и, кстати, также сонет «Новодевичий монастырь» с первоначальным названием «Могила Скрябина», 1915. Об их прямой соотнесенности с проанализированными сонетами говорить, в принципе, не приходится, если не считать сравнения «облачного храма» с «ковчегом новым», который «плыл, паруса развев, ... над спящим Соловьевым». Конечно, это уже далеко не Ноев ковчег. Точно так же, в иной, примирительной тональности звучит и тема смерти композитора-бунтаря:

А за скитом, в ограде внешних стен,
Как вознесенный жертвенник, молила
О мире в небе Скрябина могила.

(«Новодевичий монастырь»)

Не мог не откликнуться на кончину Скрябина и такой близкий ему по духу символист, как Константин Бальмонт, рекордсмен в русской поэзии по числу написанных сонетов. По свидетельству Л. Сабанеева, «появившись на горизонте», он был «очень радушно принят» Скрябиным, который «имел к нему сугубый интерес»: стих Бальмонта «казался ему наиболее острым, тонким, гибким и подобным тому, каким должен быть его собственный стих в тексте Мистерии. Со своей стороны и Бальмонт выказал большой интерес к Скрябину⁴⁵. Не будучи музыкантом, даже еще в большей степени, чем В. Иванов, он <...> умел как-то иногда “прозревать” в существо музыки Скрябина и делать удачные поэтические сравнения. Иногда, впрочем, бывали и “срывы”...»⁴⁶ Однажды, побывав у Скрябина, он

произвел фурор, заявив, что «Скрябин целует звуки своими пальцами» (*там же*).

Появившись летом–осенью 1916 г., сонеты Бальмонта, конечно же, были написаны с учетом аналогичного опыта Брюсова и Иванова. Оценивая цикл в целом, нельзя удержаться от соблазна определить его как смягченный женственным талантом Бальмонта отголосок или даже авторизированный вариант скрябинского «Предварительного действия». Образ покойного композитора вырастает в нем до размеров гигантского символа гениального творца-подвижника, способного волшебной силой искусства *преобразить* мир, пусть и ценой собственной смерти, т. е., иными словами, ради великой цели, подобно Прометею, обречь себя на погибель, стать жертвой разбуженной им же самим стихии.

Предваряя цикл «Преображение музыкой» объединяющим подзаголовком «*Ушедшему, но в сердцах наших сущему Александру Николаевичу Скрябину*», собственно смерти композитора Бальмонт посвятил только два заключительных сонета (№№ 9–10). Вернее, впрочем, будет сказать, что тема смерти у него вписывается в более широкий контекст лирического сюжета о происхождении музыки (№№ 1–3) и о музыке вообще (№№ 4–8), внутри этих групп – о двухголосии мужского и женского начал в восприятии музыки (№ 4), об ощущениях слушателя во время исполнения увертюры (№ 5), о предощущении музыки у человека, сажающегося где-то в Италии за рояль (№ 6), о колористических ассоциациях от звучания различных инструментов (№ 7); завершается сюжет импрессионистической попыткой поэтической интерпретации музыки (№ 8). Все сонеты посвящены музыке, но лишь в некоторых из них можно уловить отдаленные сигналы, предвещающие уже знакомый нам комплекс идей, связанный с символическим осмыслением смерти автора «Прометея».

В зачине первого же из них под названием «Рождение музыки», так же, впрочем, как и у Иванова, четко обозначен символический мотив «Моря» (с заглавной буквы), которое «звучало <...> в грани берегов. / Когда все вещи Мира были юны, / Слагались многопевные буруны, / В них был и гул струны и рев рогов»⁴⁷. Раннее утро человечества, когда «все вещи Мира были юны», столь же близко соприкасается с временными ориентирами, которые содержатся в начале второго сонета Ивановской двойчатки – «на заре веков». Кроме того, наверное, здесь можно усмотреть и возможные отголоски знаменитого стихотворения О. Мандельштама «Silentium», в котором говорится о рождении поэзии в синкретическом соитии с музыкой: «Она еще не родилась, / Она и музыка и слово... // Спокойно дышат *моря* груди...»

В четвертом сонете, «Два голоса», и в седьмом, «Зовы звуков», воплощаются некоторые идеи, актуальные для творчества Скрябина вообще, в частности, активно пропагандировавшаяся им взаимосвязь звукового и цветоцветового рядов. Как уже отмечалось выше, партитуру «Прометея» впервые в истории музыки дополняла специально выписанная двухголосая партия света *Luce*, предназначенная для исполнения на 12-ламповом «световом органе» Ремингтона. Обладавший цветовым слухом композитор считал, что между цветами и музыкальными тональностями существует взаимное соответствие⁴⁸. Некоторые из таких соответствий мотивированно вкраплены в образную ткань сонетов Бальмонта: это и *поющие* «в ветвях *лазуревые* птицы»⁴⁹ (24), и соответствующий традиции, но решительно обновленный «звон *малиновый*», который «*поет* мою *зарю*» (24), и релевантные для Скрябина огненные оттенки⁵⁰: «По *влаге пламенной* плыву в *огнистом* *стоне*», «Как *ветр*, *отяжелев набатом* *благовоний*, / *Вступает в солнечность* *ликующих симфоний*» (24). Что касается сонета № 7

«Зовы звуков», он построен по модели знаменитого «цветного» сонета Артюра Рембо «Гласные» (Rimbaud, «Voyelles», 1871: «A noir, E blanc, I rouge, U vert, O bleu: voyelles...»).

Синкретизм звука, цвета и света, вполне в духе скрябинской теории соборной интеграции искусств, дополняется еще и вкусовыми, обонятельными и тактильными ощущениями.

Собственно смерти композитора посвящены два заключительных сонета. Именно в них вызревает и отливается в чеканные формулы главная мысль, до глубины души потрясая автора. Катренную часть сонета № 9, «Великий Обреченный», можно рассматривать как лапидарную формулу выражения трагической неизбежности свершившейся катастрофы:

Он чувствовал симфониями света,
Он слиться звал в один пловучий храм –
Прикосновенья, звуки, фимиам,
И шествия, где танцы, как примета... (27)

Вырастающая на наших глазах фигура поражает своими грандиозными масштабами. Композитор мыслит целыми «симфониями», сопрягая воедино, «в один плавучий храм», кроме «света», «прикосновенья, звуки, фимиам, / И шествия...». Если транслировать поэтические образы в логических понятиях, речь идет о тактильных ощущениях, звуках, запахах и ритмических телодвижениях («танцах»). Задействованы и получили дальнейшее развитие сразу две образных доминанты, ранее апробированные в миницикле Иванова: принцип творческой синестезии, провозглашенный великим реформатором музыки, и прозрачно зашифрованный символ ковчега не только как синтезирующего вместилища разных видов искусства, но и освящен-

ного библейской традицией залога спасения и возрождения всего живого.

В следующем катрене, раскрывающем результат соборного творчества подобного рода, развертывается лапидарная характеристика основной колористической гаммы, присущей последним произведениям Александра Скрябина. Светоцветовые маски закономерно сочетаются с дерзкими звуковыми эффектами, типа скандально знаменитого аккорда из шести звуков, открывающего «Прометееву» «Поэму огня»:

Всю солнечность, пожар цветов и лета,
Всё лунное гаданье по звездам,
И громы тут, и малый лепет там,
Дразненья музыкального расцвета. (27)

Синкретизм художественного мышления Скрябина включает в себя и такой важный элемент его поэтики, как яростная борьба противоположностей: с одной стороны, мужское, солнечное начало, с другой – женское, лунное, с одной стороны «громы», с другой – «малый лепет». Всё это соединяется в едином аккорде «музыкального расцвета».

В терцетной части дважды обыгрывается мотив смерти как самосожжения, причем оба раза в необычном словоупотреблении. Первый раз идея смерти передается загадочной фигурой вознесения: «Проснуться в Небо, грезя на земле» (27), второй раз – разъясняющим параллелизмом на общем стержне одного и того же глагола («проснуться/проснулся»), парадоксально противоположного принятому применительно к смерти «заснуть». Как и у Иванова, эта трагическая тема освещена целым снопом ярких огненных искр, да еще на контрастном фоне: «Рассыпав вихри искр в пронзенной мгле, / В гореньи жертвы был он неослабен. // И так он вился в пламенном жер-

ле, / Что в Смерть проснулся, с блеском на челе, / Безумный эльф, зазыв, звенящий Скрябин» (27–28). В результате Небо и Смерть становятся окказиональными синонимами. Более склонный к гармоническому благозвучию Бальмонт щедро уснащает оба терцета дисгармоничным скоплением согласных, отдавая тем самым своеобразную дань своему предшественнику.

Наибольшую смысловую и эмоциональную нагрузку в сопровождении аллитерации на редкий «звенящий» звук «з» принимает на себя финальный замковый стих. Однако и его замыкающая функция не абсолютна. Более того, в нем при желании можно различить явственный отсыл к продолжению.

Заголовок следующего сонета «Эльф» (№ 10) подхватывает последнюю строку предшествующего (№ 9), благодаря чему оба сплачиваются в единый субцикл (двойчатку) внутри всего «музыкального» цикла в целом. Ту же роль содержательно значимой и необыкновенно яркой архитектурной скрепы играет осознанное завершение того и другого фамилией композитора, в первом случае в составе рифмы.

Многие современники отмечали бросающийся в глаза контраст между титанической мощью музыкального идиостиля Скрябина и хрупким изяществом его внешнего облика. Лучше других со свойственной ему зоркостью эту несообразность отметил и образно сформулировал Бальмонт. По свидетельству всё того же Л. Сабанеева, он как-то заметил: «Скрябин – это не титан! Он эльф, который умеет только ткать узоры и ковры из лун-ных лучей... но он... иногда... своим коварством мог... подкрадываться... и тоже низвергать в бездны лавины»⁵¹.

Второй сонет бальмонтской двойчатки в принципе можно интерпретировать как дальнейшую поэтическую разработку приведенного высказывания и в то же время

как его обоснование своими субъективными впечатлениями от исполнения скрябинской музыки, перекликающимися с теми, которые были приведены нами выше⁵². Не случайно весь образный строй стихотворения последовательно поляризован как система контрастно со-противопоставленных антиномий: «Мужской диэз, и женское, бемоль, / Изображали поцелуй и боль»; «Журчали справа малые затеи. // Прорвались слева звуки-чародеи»; «Запела Воля вскриком слитных воль. / И светлый Эльф, звучностей король, / Ваял из звуков тонкие камеи»; «Они светились золотом и сталью. / Сменяли радость крайнею печалью»; «И был певучим гром. / И человеку Бог был двойником» (28). Вот что такое, подытоживает последняя строка, Скрябин «за роялью».

Исключительной выразительностью в плане характеристики скрябинской синестезии наделены глаголы, прямо или косвенно передающие звучание. Так феи «играли лунным светом», «мужской диэз, и женское, бемоль»⁵³, / изображали поцелуй и боль», малые затеи «журчали справа», а звуки-чародеи «прорвались слева», Воля «запела», а «светлый Эльф», т. е. Скрябин, «ваял из звуков тонкие камеи». Трудно сказать кто, но, видимо, тоже он, «завихрил лики в токе звуковом», которые «светились золотом и сталью» и «сменяли радость крайнею печалью». И, наконец, «был певучим гром», где составное именное сказуемое представляет собой оксюморонное словосочетание, напоминающее строчки Блока в инициальном стихотворении цикла «Кармен», 4 марта 1914: «Как океан меняет цвет, / Когда в нагроможденной туче⁵⁴ / Вдруг полыхнет мигнувший свет, // Так сердце под грозой певучей / Меняет строй...»⁵⁵

Итак, лунный свет и значимо отсутствующий здесь его антипод (свет солнечный)⁵⁶, женское и мужское начало, бемоль и диэз, низкие звуки, очевидно с правой стороны

клавиатуры, и высокие – с левой, мужественная боль и сентиментальный поцелуй, мощный «всклик» слитных воль и нежные созвучия, исходящие из-под целующих клавиши пальцев светлого Эльфа, твердая сталь и мягкое золото, мажорная радость и минорная печаль, какофоничный гром и мелодичный распев, всемогущий Бог и поклоняющийся ему человек – не по отдельности, а в универсальном, всё и вся поглощающем синтезе, – вот что такое соборность искусства, по Скрябину, в представлении Бальмонта.

Скоропостижная, как гром среди ясного неба, смерть Александра Скрябина практически так же, как смерть Льва Толстого, Михаила Врубеля и Веры Комиссаржевской, в осмыслении Александра Блока⁵⁷, который и сам пережил их ненадолго, прогрела емким и многозначительным символом конца одной и начала иной эпохи. Только поэт с чуткостью музыканта и музыкант с пророческим даром поэта мог с такой потрясающей точностью предсказать грядущий Апокалипсис, в беспощадном огне которого погибла великая культурная цивилизация, получившая звонкое наименование Серебряного века. На семьдесят с лишним лет Россия погрузилась во мглу. Не менее грандиозной катастрофой закончилось коммунистическое Безвременье. Поэма Огня, сотворенная композитором-Прометеем, похоже, зазвучала и засветилась вновь...

2

Замечательно глубоко и точно воссозданный образ композитора-огненосца, каким увидели его современники, ведущие поэты эпохи, находит адекватное подтверждение и дополнение в собственном поэтическом творчестве Скрябина. Великий реформатор не разделял распро-

страненного мнения, согласно которому музыка начинается там, где заканчивается слово. Напротив, оба вида искусства для него были двумя сторонами одного целого. Созданные им стихотворные произведения написаны в унисон с музыкой. При этом не все они предназначались для публикации, некоторые не получили окончательной шлифовки, а то и попросту остались незавершенными.

В начале своего творческого пути на поэтическом поприще Скрябин следовал в русле классических традиций, ориентируясь, например, в «Хоре к I симфонии» (1900) на шиллеровскую «Оду к радости», использованную Бетховеном в 9-й симфонии, а в «Либретто к опере», написанном до 1903 г., – на типичные романтические истории о встрече прекрасной дочери короля с вдохновенным творцом, «философом – музыкантом – поэтом», и об их счастливой, идеальной любви. Можно не сомневаться, что во втором случае не обошлось без автобиографической подоплеки. В сюжетной коллизии задуманной оперы, скорее всего, отразились отголоски страстного чувства, которое испытал 19-летний студент консерватории, влюбившийся в 15-летнюю Наташу Секерину. Сохранилось также несколько разрозненных фрагментов лирического свойства, в которых угадываются образные наброски к таким зрелым музыкально-поэтическим произведениям Скрябина, как «Поэма экстаза» и «Предварительное действие».

Первым поэтическим произведением, которое взыскательный художник считал достойным своего таланта, оказалась «Поэма экстаза». Несмотря на хроническое безденежье, композитор опубликовал ее в Женеве помимо нотной партитуры отдельной брошюрой и потом щедро раздавал своим друзьям и поклонникам.

Содержание этой удивительной поэмы в равной мере принадлежит и поэзии, и музыке, и философии. То ли это

вербальное сопровождение музыкальной темы, то ли вольная импровизация на тему лермонтовского Демона, то ли полеты некоего мистического Духа, символизирующие «движение от сознания человека к сознанию Бога, от времени к вневременности, от томления к экстазу»? Пожалуй, и то, и другое, и третье в счастливом соитии сосуществования. Известный историк и теоретик музыки Андрей Бандура видит здесь «пятичленную последовательность событий (томление – игра – создание мира – полет – экстаз)», которая «в разных вариантах повторяется и в музыке, и в стихах, образуя границы эпизодов»⁵⁸. Прихотливой мелодической игре адекватно соответствует стиховой строй произведения: полиметрическая композиция, основанная на непредсказуемом чередовании вольных хореев со сменяющимися друг друга дактилями, амфибрахиями и анапестами.

Творческий экстаз поэта-композитора разделяли его слушатели и читатели, хотя случались и казусы. Как вспоминает композитор Юрий Ханин, однажды после исполнения «Поэмы Экстаза» дирижировавший ею меценат Кусевицкий устроил большой банкет в честь автора. Скрябин пришел со своей женой, одетой в желтое платье. Были приглашены всяческие гости, в том числе и родственники. Во время тоста за «Поэму экстаза» с другого конца стола донесся дребезжащий старческий голос генерала Скрябина: «А экстаз-то, вон он сидит рядом, желтенький...» Александр Николаевич был обижен чуть ли не на всю жизнь... Конечно, в заглавное понятие «экстаза» автор вкладывал отнюдь не любовно-эротический, а глубоко символический мистический смысл.

После «Поэмы экстаза» Скрябин задумал главное дело своей жизни – грандиозный проект «Мистерии» и исподволь приступил к его осуществлению. На предварительном этапе он пишет «Поэму огня» с весьма многозначи-

тельным вторым названием «Прометей». Это была симфоническая поэма для большого оркестра, фортепиано и хора. Литературной программы она не имела, а хор исполнил свою партию... без слов. «Программный» характер этому по сути дела чисто инструментальному произведению придавало имя древнегреческого титана, вынесенное в заголовок. Внимавшие ей слушатели живо представляли себе все перипетии античного мифа. Небывалый по своей новаторской дерзости начальный аккорд («Прометеево шестизвучие») прозвучал революционным вызовом традиционным принципам музыкальной гармонии. Скрябину удалось уловить веление времени – таково было настроение общества: все ждали перемен, катастрофы, Возмездия.

Центральный в образной картине мира композитора символ огня должен был воплотиться не только в звуках, но и сопровождающих их цветовых эффектах. Партитура «Прометей» содержала ставшую легендарной партию света (Lucis). Правда, технические возможности того времени еще не позволяли в полной мере использовать выразительную силу разноцветных лучей, направляемых в зал при смене тональностей. Показательно, что идеи Скрябина подхватил, развил и разъяснил в специальном эссе⁵⁹ Константин Бальмонт:

«Огонь есть свечение и Огонь есть звучание. Говоря одновременно всякому зрению и утонченному слуху, Огонь есть одна из лучезарных ипостасей Мирового Светозвука. Но в природе всё четко и всё зеркально. Как свет отражается в зеркальностях души звуком, так звук зеркально рождает в душе свет и цвета. Но, чтобы это было, в душе должно быть магическое зеркало творческого прозрения и первородного мироощущения»;

«Эльф среди людей, Скрябин, обладал цветным слухом, как до него им обладал могучий Берлиоз, пламенный Лист, и зиждительно-свежий Римский-Корсаков. Цветовой слух выражается в том, что звуки или певучие суммы звуков, гармонии, тональности, сочетаются с ощущением цвето-света. Это способность личная, обособленная»;

«Верна ли самая мысль Скрябина о сочетании его Огненной Мистерии Прометея с игрою Светоцвета? И да, и нет. Нет, в том смысле, что музыка, будучи Божески самодостаточным царством, не нуждается ни в каких сопутствующих достижениях иной красоты, и, говоря в каждой душе иным голосом, этой душе сродным, будет не обогащать, а ограничивать свое красноречие, сопутствуемое определенной дополняющей красотой. Чтобы сопутствующая красота была не просто дополнительная, а глубинная, абсолютно сродная, как это мы видим в таинствах Природы, надо, чтобы угадание художника было столь же неукоснительно верным и единственным, как верны угадания творящей Природы. Но в то же время Скрябин совершенно прав в своем замысле, ибо он, презиравший будничное и часто восклицавший: “Жизнь должна быть праздником”, смотрел на свою световую симфонию как на священное празднество. А в отдельном празднике своеволие и введение угадливой творческой прихоти – самодержавный закон зиждительной воли. Сочетать игру звуков с игрою светов всегда – не должно, сочетать ее с игрою светов на священном празднике – необходимо».

Настоящим триумфом стало исполнение «Прометея» в Англии. Среди самых темпераментных поклонников рус-

ского композитора по крайней мере дважды можно было видеть неистового ирландца Бернарда Шоу, вскакивавшего с кресла и громкими криками выражавшего свой восторг.

После «Поэмы Огня» Скрябин всю страсть своего некротимого творческого гения отдает «Мистерии», которая должна была стать всеобъемлющим синтезом музыки, слова, танца и всех остальных мыслимых и немислимых видов искусства, вплоть до симфонии... запахов. Уже в Англии композитор наводит справки о возможности купить участок земли в Индии на берегу живописного горного озера. Именно там, на Востоке, виделось ему идеальное место для сценического воплощения задуманного им «вселенского действа», призванного не столько отобразить, сколько *преобразить* несовершенный мир. В центре постановочной площади он планировал построить невиданной красоты храм с колоннами «из благовоний» и куполом «из небесной сини». На время действия отводилось семь дней. За это время мир должен был преобразиться по законам гармонии, души участников и одновременно зрителей, представителей «всех рас и краёв», – пережить катарсис, очиститься и подготовиться к новой жизни. Скрябин, конечно, понимал, какую непосильную задачу ставил он перед собой как художником-демиургом. Творческий коллектив, напоминавший отчасти экипаж Ноева ковчега, надлежало отобразить, воспитать, воодушевить, заразить своими идеями, для чего предполагалось учредить специальный журнал и поставить пробный спектакль под названием «Предварительное действие». Поэтическая часть его сценария сохранилась в черновых и частично перебеленных рукописях.

Текст построен по законам музыкального контрапункта, благодаря чему лирический компонент явно преобладает над эпическим и драматическим. «Увертюра» от-

крывается славословием Предвечному отцу, который раз за разом «волит» «приятъ любви благодать». С ним непосредственно связан мотив творчества, экстатического порыва к созиданию. В горячем диалоге «женственного» и «мужественного» голосов, в страстном любовном танце их обладателей зарождается новая жизнь. Протягивают друг к другу лучи луна и солнце. Пробуждаются первые чувства. Стихия воды проявляет себя в волнении волн. Горы громятся «застывшими порывами любовных гневов», «окаменевшими валами» «бурных ласк». Поля, таящие в себе «все прелести отрав», просыпаются «цветов благоуханьем», чтоб «восшелеститься» «шелестами трав». Леса, напоминающие сумрачные храмы, скрывают толпы «загадочных существ». Наконец, некий дух, «себя пустынею в пространстве опознавший», изгоняет «из своих областей» и «лесную жизнь», и «живые песни струй». Особенно впечатляет образ сияющего в центре мироздания храма:

Горит он, царственный, сияющим законом,
Сей храм – как светлый гимн, сей мир – как звездный
храм.

Эфир наполнен золотым зазывным звоном,
Что души емлет недоступным небесам.

Лирические партии разных стихий, стройный хор всех существ и сущностей, населяющих Вселенную, исподволь подготавливают энергичный, не поддающийся однозначной трактовке финальный аккорд:

В этот последний миг совлеченья
Вбросим мы вечности наших мгновений,
В этом последнем звучии лирном
Все мы растаем в вихре эфирном.

Родимся в вихрь!
Проснемся в небо!
Смешаем чувства в волне единой!
И в блеске роскошном
Расцвета последнего
Являясь друг другу
В красе обнаженной
Сверкающих душ,
Исчезнем...
Растаем...

Можно предположить, впрочем, что именно таким образом Скрябин представлял себе надвигающийся Апокалипсис, призванный в уничтожающем и в то же время возрождающем пламени революции мощным волевым усилием обновить исчерпавшую себя цивилизацию. Так сложно опосредованными путями отразились томившие его провиденциальные прозрения относительно его личной судьбы, судьбы России и судьбы всего мира⁶⁰.

Талантливый человек, как известно, талантлив во всем. Современники в один голос говорили о том, как щедро одарила природа Александра Скрябина. Конечно, по гамбургскому счету его композиторский гений несопоставим с его поэтическим даром. Выбор в пользу музыки был предрешен с самого юного возраста. Обоготворивший его Борис Пастернак, между прочим, выбирая поприще для своих творческих притязаний, загадал: если Александр Николаевич признается, что не обладает абсолютным музыкальным слухом, он посвятит себя музыке, если нет, то станет поэтом. Результаты этого теста известны... Нам остается лишь восхищаться самим феноменом Скрябина, в котором композитор, поэт и оригинальный философ слились в гармонически непротиворечивом единстве, и той поистине феноменальной вспышкой гения, которая

озарила тревожным трагическим светом весь мир «в его минуты роковые», живо напомнив миф о Прометее-огне-носце и лишней раз оправдав стародавнее предание о «зависти богов».

Олег Федотов

ПРИМЕЧАНИЯ

Все произведения, кроме заключительного сонета, печ. по: Русские пропилеи. Т. 6. Материалы по истории русской мысли и литературы / Собрал и подготовил к печати М. Гершензон. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1919. Орфография и пунктуация сохраняются. Примечания, не отмеченные особо, принадлежат публикатору.

- ¹ Изд. Беляева, Лейпциг 1900.
- ² Писано после Первой симфонии, но до 1903 г.
- ³ Сверху надписано: моей.
- ⁴ Сверху надп.: предо мной.
- ⁵ Сверху надп.: меня.
- ⁶ Сверху надп.: он же и.
- ⁷ Сверху надп.: И вечность.
- ⁸ Сверху надп.: трепета.
- ⁹ Сверху надп.: ведет.
- ¹⁰ Было: печалей.
- ¹¹ Было: Всеразрушающий.
- ¹² Видимо, зачеркнутый автором вариант. – *Ред.*
- ¹³ Было: разумно.
- ¹⁴ Было: губить.
- ¹⁵ Сверху написано: весь вера.
- ¹⁶ Сверху написано: успех, а под строкой – порыв.
- ¹⁷ Стихотворные фрагменты из тетради 1904–1905 гг. – *Ред.*
- ¹⁸ Писано в 1906 году. Воспроизводится с печатного текста, напечатанного в Женеве под наблюдением самого автора: «*Поэма Экстаза*. Слова и музыка А. Скрябина. Собственность автора. Женева, 1906. *Le Poème de l'Extase*. Le texte et la musique par A. Scriabine. Propriété de l'auteur. Prix: 1 Fr. Genève. Imprimerie Centrale, Boulevard James-Fazy, 17. – 1906».
- ¹⁹ В публикации, видимо, опечатка: отдаться. – *Ред.*

- ²⁰ Опубликованы основная редакция, «единственно-полная и однородная» (по т. н. тетради Г), и окончательная редакция (по т. н. тетради Д), завершить работу над которой помешала смерть. В наст. изд. первая половина текста печатается по окончательной редакции, остальной текст – по основной. (*Здесь и далее примеч. ред.*)
- ²¹ Авторский знак, видимо, обозначающий цезуру.
- ²² В публикации опечатка: содрано. Исправлено по тексту основной редакции.
- ²³ На этой строке текст окончат. редакции обрывается.
- ²⁴ В публикации, видимо, опечатка: страдосластья.
- ²⁵ В публикации, видимо, опечатка: всесоздающее.
- ²⁶ Печ. по: Известия Московского литературно-художественного кружка. Вып. 10. М., 1915, февр. С. 7.
- ²⁷ Печ. по: Русские Ведомости. 1915. № 91, 22 апр., с подзагол. «Сонет».
- ²⁸ Печ. по: Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Кн. 2. – СПб., 1995. (Новая библиотека поэта.) С. 130–131.
- ²⁹ Печ. по: Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Кн. 2. – СПб., 1995. (Новая библиотека поэта.) С. 131.
- ³⁰ Печ. по: Бёрд Р. «Преображение музыкой»: цикл сонетов К. Д. Бальмонта об А. Н. Скрябине // *Europa orientalis* 18 (1999): 1. Pp. 22–28.
- ³¹ Ср.: «Гамеланг – как море – без начала, / Гамеланг – как море – без конца. / Гамеланг – как смерть сама – тягучий, / Гамеланг – колодец снов, без дна...» (К. Бальмонт). Гамеланг – своеобразный индонезийский оркестр, состоящий главным образом из медных тарелок и деревянных труб.
- ³² Поэтическому аспекту творчества Скрябина был посвящен доклад Ю. В. Линника «Александр Скрябин как поэт», прочитанный на семинаре «Звукомир художественного текста» в Петрозаводской государственной консерватории в 2004 году. К сожалению, он не опубликован.

³³ Сам Скрябин определял их содержательный пафос в символистском духе: «Это – творческий принцип, огонь, свет, жизнь, борьба, усилие, мысль». Здесь практически каждое слово можно писать с заглавной буквы. Структурно и содержательно подобное перечисление в 4-м стихе ивановского сонета: «Дух, камень, древо, зверь, вода, огонь, эфир». «Скрябин, выражаясь кратко, был ничем иным, как символистом в музыке, – писал в Предисловии к своим «Воспоминаниям» Л. Л. Сабанеев, – и все те предпосылки, которые ныне стали традиционны по отношению к символистам поэзии и литературы, целиком и даже в еще более категорической форме приложимы к нему. Мистика Скрябина – одна из страниц той книги, другие страницы которой называются Бальмонтом, Блоком, Вячеславом Ивановым, Мережковским, Гиппиус, Бердяевым, Булгаковым, редакцией “Нового пути”, который вовсе не случайно имел меценатом и издателем то же лицо, которое покровительствовало и Скрябину» (Сабанеев Л. Воспоминания о Скрябине. М., 1925. С. 7).

³⁴ «В музыке, наиболее ясновидящем из искусств» Алексей Толстой видел «пылающий хаос», а в «Поэме огня» соответственно – «прямое указание на грядущее потрясение мира» (Толстой А. Н. Перед картинами Судейкина // Жар-птица. 1922. № 1. С. 25). Любопытный пассаж на эту тему содержится в анонимной статье «Грехопадение музыки», опубликованной в православной газете Северо-запада «Вера» и перепечатанной на сайте Петрозаводской и Карельской епархии: «Но сосуд Пандоры был уже приоткрыт. И под влиянием европейского романтического сатанизма бесовщина начинает врываться и в целомудренную прежде русскую музыкальную культуру. На этом бушующем огне адском поприще особенно продвинулся Александр Скрябин (1871–1915 гг.),

написавший, в частности, такие симфонические произведения, как “Прометей. Поэма огня”, “Поэма экстаза”, а также поэмы для фортепиано “Трагическая”, “Сатаническая” и “К пламени”. Скрябин, хотел он того или нет, послужил музыкальным предтечей русской революции. Всё его творчество было насквозь пропитано идеей самоутверждения, богоборчества и сметающего всё на своем пути революционного экстаза. И, видимо, только Сам Господь не позволил ему закончить главное дело его жизни – возведение своего рода Вавилонской башни в искусстве – грандиозной “Мистерии”, задуманной им как синтез всех видов искусства – музыки, поэзии, танца, архитектуры, цвета и света» (<http://home.onego.ru/~eparhia/musika.htm>).

³⁵ Вейдле В. Зимнее солнце. Вашингтон, 1976. С. 122–123.

³⁶ Сабанеев Л. Указ. соч. С. 45.

³⁷ Ср. аналогичное суждение Мирчо Элиаде: «Циклическая концепция исчезновения и нового появления человечества сохранилась также в исторических культурах. По широко известному утверждению Бероза, в III веке до н. э. во всем эллинском мире распространилась халдейская доктрина “Великого Года”, откуда она затем была заимствована римлянами и византийцами. Согласно этому учению, мироздание вечно, но каждый “Великий Год” оно уничтожается и вновь восстанавливается (число тысячелетий, разделяющих “Великие Года”, варьируется в зависимости от школы); когда семь планет соберутся под знаком Рака (“Великая Зима”), случится потоп; когда эти планеты встретятся в знаке Единорога (то есть во время летнего солнцестояния “Великого Года”), Вселенную поглотит огонь. Скорей всего, это учение о периодических всеобщих катастрофах разделялось также Гераклитом (к примеру, фрагмент 26 В = 66 D). Во всяком случае, оно было известно Зенону и нашло отражение в космо-

логии стойков. Миф о гибели мира в огне (*ekpyrosis*) явно был в моде между I веком до н. э. и III веком н. э. во всем римско-восточном мире; постепенно он стал составной частью философских теорий, берущих свое начало в греко-ирано-иудейском синкретизме» (Элиаде М. Миф о вечном возрождении. СПб., 1998. Цит. по: <http://traditionallib/narod.ru/slovo/traditio/elia>).

³⁸ Как уже отмечалось, смерть автора «Прометея» в первом сонете двойчатки описывается весьма характерной аллегорией: «потух цветок волшебный»; т. е. «огонь» и «цветок» вступают в окказионально-синонимические отношения.

³⁹ Кн. 8, гл. 3: 4–5.

⁴⁰ В своей электронной книге «Под сенью акации» (www.sergmogo.narod.ru) Серж Моро высказывает парадоксальную мысль о том, что под названием «море медное» в Библии описан... кремлевский Царь-колокол в опрокинутом виде.

⁴¹ Бат – древнееврейская мера объема жидкости или сыпучих тел, равная 22 литрам.

⁴² Не отсюда ли появление «таинственного ковчега» «новозданных дней» в начале второго катрена предыдущего сонета?

⁴³ Адонай (*др.-еврейск.*) – в иудаизме обозначает бога Яхве; равнозначно русскому «Господь».

⁴⁴ См.: Корни масонства. Легенда о Адонираме // <http://www.startpages.com.ua/news2012.html>. Конечно, в виде авторитетного источника процитированный текст фигурировать вряд ли может, будучи всего-навсего мистификацией Лео Таксиля. Однако само появление его весьма симптоматично. Автор мистификации основывался на уже упомянутых библейских источниках и, очевидно, на устных масонских преданиях, чрезвычайно популярных в рассматриваемую нами эпоху.

- ⁴⁵ В частности, после смерти композитора, кроме стихотворных произведений, он опубликовал: брошюру «Светозвук в природе и световая симфония Скрябина» (М., 1917) и очерк «Звуковой зазыв. (А. Н. Скрябин)» (Последние новости. 1925. № 1553. 17 мая. С. 2–3); см. также: Бальмонт К. Автобиографическая проза. М.: Алгоритм, 2001. С. 512–517.
- ⁴⁶ Сабанеев Л. Воспоминания о Скрябине... С. 165.
- ⁴⁷ Robert Bird, Указ. соч. С. 22. Здесь и далее сонеты из *Преображения музыкой* цитируются по этому изданию с указанием страниц в скобках непосредственно в тексте.
- ⁴⁸ Возможно и обратное соотношение. Почти в это же самое время живописец Василий Кандинский уверял, что он отчетливо слышит звучание своих красок.
- ⁴⁹ Возможно, как символистский вариант романтической синей птицы и *Синей птицы* Метерлинка.
- ⁵⁰ Сходным образом, кстати, поэт отозвался на *Третий концерт* Прокофьева, естественно, также сонетом *Лихующий пожар багряного цветка...* (см.: К. Бальмонт, *Третий концерт С. С. Прокофьева* // «Голос России» [Берлин], 1921, № 843, 18 дек., с. 4).
- ⁵¹ Сабанеев Л. Указ. соч. С. 165.
- ⁵² В. Вейдле и Л. Сабанеева. См. сноски №№ 4 и 5.
- ⁵³ С легкой руки А. Н. Скрябина проблема взаимодействия звука и цвета широко обсуждалась его современниками. В частности, по мнению Б. В. Асафьева, «ряд бемольных тональностей» вызывали лично у него следующие схождения: «Си-бемоль мажор – ощущение цвета слоновой кости (скажем, белые клавиши рояля), ми-бемоль мажор – ощущение синевы неба, даже лазури...» и т. д. (Асафьев Б. В., академик. Избранные труды. М., 1952. Т. I. С.).
- ⁵⁴ В условиях «единства и тесноты стихового ряда» (Ю. Н. Тынянов) упомянутая «нагромождённая туча»

чревата «*громом*», который затем закономерно преобразуется в «*певучую грозу*».

- ⁵⁵ Блок А. Собр. соч.: В 6-ти тт. М., 1980. Т. 2. С. 224. Ср. также использование подобного образа в системе стихотворения Владимира Набокова «Шекспир», Декабрь 1924: «Так в плащ короткий / божественный запахивался *гром*» и «Откройся, бог *ямбического грома*, / стоустый и немислимый поэт!» (Набоков В. В. Стихотворения. СПб., 2002. С. 296, 297).
- ⁵⁶ Отсвет его, как мы видели, сохранился в 4-м сонете цикла «Два голоса».
- ⁵⁷ См.: Блок А. Предисловие <к «Возмездию»>. Указ. соч. С. 270; Он же. Памяти Врубеля // Там же. Л., 1982. Т. 4. С. 152–155.
- ⁵⁸ Бандура А. О программности в произведениях А. Н. Скрябина // Новая Эпоха. 2000. № 2 (25).
- ⁵⁹ Бальмонт К. Д. Светозвук в природе и цветовая симфония Скрябина. М., 1917.
- ⁶⁰ В 1970–1996 гг. А. Немтиным была предпринята попытка авторизированной реконструкции «Предварительного действия», как в музыкальной, так и в поэтической его части. В результате возникла триада из трех симфоний для большого симфонического оркестра, органа, смешанного хора, фортепиано и сопрано соло. I часть – «Вселенная», II – «Человечество», III – «Преображение». «Предварительное действие» было впервые исполнено 1 сентября 1996 года, а в 1997 году состоялась премьера всего цикла в Хельсинки под управлением Лейфа Сергерстама (Машуков И. Е. Метастилистика А. П. Немтина // <http://gcon.pstu.ac.ru/pedsovet/programm/ced1-13-6.htm>). Словесную реконструкцию также предложил в своих многочисленных статьях о Скрябине видный музыковед Андрей Бандура. См., например: Бандура А. И. Сказание о семи расах // Дельфис. 1997. № 3 (11).

СОДЕРЖАНИЕ

[Хор из Первой симфонии]	3
[Либретто для оперы]	5
[Фрагменты]	18
Поэма Экстаза	21
[Предварительное действие]	34
Валерию Яковлевичу Брюсову	78

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

На смерть Скрябина	79
--------------------------	----

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Памяти Скрябина

«Осиротела Музыка. И с ней...»	80
«Он был из тех певцов (таков же был Новалис)...»	80
Новодевичий монастырь	81

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

Преображение музыкой

1. Рождение музыки	83
2. Младший	84
3. Свирель	84
4. Два голоса	85

5. Волею рук	86
6. Предощущение	86
7. Зовы звуков	87
8. Музыка	88
9. Великий Обреченный	89
10. Эльф	89
<i>О. Федотов. Философ – музыкант – поэт</i>	<i>91</i>
<i>Примечания</i>	<i>119</i>

Скрябин А. Н.

Щ87 Поэма Экстаза. – М.: Водолей Publishers, 2008. – 128 с. (Малый Серебряный век).

ISBN 5–902312–96–5

Одним из вершинных достижений русской поэзии в 1930-е годы стало творчество В. Е. Щиrowsкого (1909–1941). Поэт, оказавшийся столь социально чуждым советской власти (он был сыном сенатора), работавший в провинции то сварщиком, то электриком, то попадавший за решетку, погиб в Керчи под бомбежкой в 1941 году; чудом сохранилась часть его архива. Эта книга – единственное собрание произведений Щиrowsкого. В книгу вошли также краткие воспоминания о нем А. Н. Доррер, подруги жены поэта.

ББК 84Р7-5

Скрябин Александр Николаевич
Поэма Экстаза

Литературно-художественное издание

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *В. Резвый*

Подписано в печать 30.01.08. Формат 60x90/32
Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль
Печать офсетная. Печ. л. 4
Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Водолей Publishers»
119330, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 17-Б
тел. (495) 786-36-35. E-mail: agathon@humanus.ru

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а